

Проза

Елена Усачева. Дождаться весны. *Повесть*
Татьяна Дагович. Две тысячи первый, ноябрь, уик-энд.
Рассказ
Татьяна Калугина. Темное время суток. *Рассказ*
Григорий Стариковский. Магистр. *Рассказы*
Алексей Устименко. Фрида, или Рассказ о человеке,
делающем гробы

Елена Усачева

ДОЖДАТЬСЯ ВЕСНЫ

Глава первая

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Щелк, щелк, щелк. Мышка под пальцами покорно проваливается, покатавая пластиковая спинка удобно устроилась в ладони. Клавиатура, пробел — хлоп, хлоп. И не глядя, на мышку — щелк. Фотографию удаляем. Неудачная.

Пробел, еще пробел. Стоп. Эту надо отправить Юльке.

Вода в реке Катунь ледяная, но Олег все равно пошел купаться. С разбегу. Сильно оттолкнулся, изящной дугой прошел по воздуху. Взлетели белесые брызги. Сильное течение потянуло его вниз, но он боролся с ним, плывя вперед, оставаясь на одном уровне с Машей. Она сфотографировала его в момент полета. Клево. А вот Олег выходит из воды. Улыбается. Плечи широкие. Ноги сильные. Говорит, в футбол играет, на горных лыжах катается. И еще — на лошадях.

Лошади тоже есть. Белая, с обрезанными ушами — Волга. Ее сразу дали Маше, а ему достался Черемыш. Высокий гнедой мерин, красновато-коричневый, с темными гривой и хвостом. Он умел улыбаться. Если подойти близко и ласково сказать: «Черемыш, хорошая лошадь», мерин разворачивал в ее сторону уши, тряс мордой. И улыбался. А подходила Маша часто, потому что на Черемыше сидел Олег. Он надел черную ковбойскую шляпу, черную кожаную куртку, черные брюки. Для окончательного превращения в техасского рейнджера ему не хватало ковбойских сапог со шпорами. На нем были черные кирзовые сапоги. И это опять же было клево.

Клево, клево... Словечко-то какое! От него заразилась.

Олег Хабаров.

Олег.

Сам представился. Подошел, улыбнулся и с легким поклоном произнес:

— Олег.

Маша не помнит, ответила или нет. Потому что ее имя было неважно рядом с ним.

Село называлось Барангол. Узкая полоска земли между высоким боком хребта Гарлат и шумной Катунью. На берегу база «Царская охота». Здесь все с шиком, с размахом, даже медведь в клетке сидел. И мост через Катунь у них был собственный. Олег появился вечером в столовой. Посмотрел направо, посмотрел налево и сразу направился к их столику. Наверное, в этот момент зазвенели колокольчики, и стало светлее. Вряд ли родители это заметили. Обсуждали планы на жизнь — сплав, конная прогулка, на машине до Чекетаманского перевала, однодневный выход в горы...

И тут возник Олег. Первые несколько дней Маша не могла сказать, какой он. Сказать «красивый», это значит с кем-то сравнить. А он был сам по себе и никакими критериями не измерялся. Волосы темные, темные, порой становящиеся совершенно черными, глаза. Он почти всегда улыбался, поэтому описать лицо было невозможно. Какое оно? С разбежавшимися морщинками от улыбки.

— Какой он? — стонала в телефон Юлька Мазурова.

Какой? Клевый!

Когда родители сказали, что купили путевку на Алтай, Маша удивилась. Все нормальные люди летом едут на море, где тепло, пальмы и песок. А ее родичей несет в резко-континентальный климат, где по ночам снег и иней на листьях, а днем удушающая жара. Где если идет дождь — так это не веселенький ливень средней полосы, а тяжелый суровый поток, сносящий все на своем пути. Где рек много, но они холодные, а горизонт охраняют снеговые пики гор. Подруга Юлька тащила ее покупать купальник, а Маша заходила в отдел курток, пыталась отыскать шерстяные носки. Летом их было не найти. И тут — как в награду за терпение, за согласие на все — Олег.

— Ты один? — удивилась мама.

— Я с отцом, — спокойно ответил Олег. — Он уехал на Укок. Я его здесь жду.

— Сколько же тебе лет? — не отставала мама.

— Восемнадцать.

— Маша! — тихо позвала мама.
 Наверное, у нее было очень глупое выражение лица. Мама не выдержала и пнула ее ногой под столом.
 — Чего? — Голос оказался неожиданно хриплый.
 Мама покачала головой.
 — А мне пятнадцать, — выпалила Маша. — Мы все время здесь будем. А ты когда уезжаешь?
 — Через две недели.
 Захотелось завывать, упасть на пол и забиться в истерике. Она с родителями уезжает раньше.
 — А ты вообще откуда? — вступил в разговор папа.
 Кажется, Маша перестала дышать. И жить. Потому что если он сейчас скажет, что из Нижнего Новгорода, Воркуты или Кемерово, то она срочно переедет туда жить.
 — Час на электричке от Москвы.
 — Здóрово! — выдохнула Маша, заставив всех в столовой оглянуться. Неужели она это сказала слишком громко? — А мы из Москвы.
 — Я так и подумал.
 Мама недовольно подняла брови. Папа хмыкнул. За один вечер они продемонстрировали весь свой арсенал по недовольству. Разве что ругаться в голос не принялись.
 Ругань началась вечером.
 — Ему восемнадцать! — воскликнула мама, как только они вошли в свой номер.
 — Ну и что? — Маше не терпелось упасть на кровать, спрятать лицо в подушку и помечтать
 — Как что? Восемнадцать!
 — Не драматизируй, — попытался остановить бурю папа. — Парень просто подошел познакомиться. Ему две недели одному здесь куковать.
 — Вот именно — одному! — бушевала мама. — Маня, будь с ним осторожна.
 — Хороший интеллигентный мальчик, учится на филолога. Что тебе в нем не понравилось?
 — Все! — Мама ушла в ванную комнату. Хлынула в раковину вода. — Почему он не поехал с отцом? Почему остался? — Она снова стояла на пороге. В руке полотенце, треплет его.

— Он же сказал, что не любит спать в палатке и петь песни около костра.
 — Но он согласился с нами поехать на лошадях!
 — Один день, чтобы вечером вернуться.
 — Он мне не нравится! — Хлопнула дверь. Щелкнул замок. Вода зашумела яростней.
 А как он нравился Маше! Подушка об этом узнала первая.
 Пока не перекинула фотки на компьютер и не засмотрела их «до дыр», пыталась представить Олега, и все видела не его, а свое настроение. Оно разливалось в воздухе нежными красками. Оно даже имело запах, но не имело конкретного лица. В самолете закрывала глаза, надеясь хоть на мгновение увидеть — не получалось. Только это странное щемящее чувство в груди — Олег.
 Потом были бесконечные фотографии, и вспоминала уже по ним. Вот здесь она его сфотографировала в профиль. Олег пытается улыбнуться, но она кричит, чтобы он был серьезным. На коне, вполоборота, широкие поля шляпы затемяют глаза, и они становятся дьявольскими. Сидит на высоком камне — получился силуэт на фоне белесого неба. Ангел. Вот-вот улетит. Есть и Маша. Их группа идет конной цепочкой. На ней бирюзовая кофта и синяя выцветшая кепка. Папа позвал ее, Маша обернулась. В кадре — она, Олег и каменистая тропа. А Черемыш в этот момент, конечно же, улыбался.
 Сходили на сплав. Бесконечно гуляли. Часами стояли на мосту, смотрели в мутную воду. Река бурлила, со злым остервенением вгрызаясь в опоры моста, пенно пузырилась, шипела и плевалась брызгами.
 — Катунь берет начало на южном склоне Катунского хребта у горы Белуха, — негромко говорит Олег и кажется, что это сама река о себе рассказывает. — Соединяясь с рекой Бия, становится Обью.
 Маша вновь не дышала. Откуда он все это знал?
 — Не смотри на меня так! — смеется Олег. — Я всего лишь прочитал в Интернете.
 Все равно умный.
 — Что вы делали? — каждый раз спрашивала мама, с сомнением глядя на Машу.
 — Гуляли.

И только. Они безостановочно кружили по парку, стояли около реки, ходили проведать медведя, сидели в грязных местных кафешках. Он покупал ей платки с картой Горного Алтая и украшения — зуб волка на черном шнурке, коготь медведя и даже клык кабарги — редкая штука, бешеных денег стоит.

— Извини, сам добыть кабаргу я тебе не могу. Поэтому — вот. — И он осторожно обвил ее шею руками, закрепляя на затылке сложный замочек шнурка.

И вновь она не дышала. И не жила. Вся она — был он. И так хотелось крикнуть, что она любит. Любит так, как никто еще в жизни не любил.

— Что вы делали? — сухо спрашивала мама.

Он рассказывал. Она рассказывала. Но больше слушала, потому что это было чудесно — его голос звучал, и ей становилось легче дышать, мир вокруг приобретал цвет и объем. Стоило ему отойти, все как-то тускнело.

Пиликнул телефон. Не останавливаясь, продолжая говорить, он достал трубку. Пришло сообщение. От кого? На секунду от возмущения помутилось в глазах. Он ее! Только! Никто больше не смеет ни писать ему, ни разговаривать с ним.

— Они пришли к погранзаставе, там связь есть, — буркнул Олег, то ли Маше, то ли сам себе. — Были на могиле Кадын. Говорят, ничего особенного.

И тут телефон взорвался криком, требованием, чтобы ответили.

— Извини, — пробормотал, отходя в сторону.

Маша впервые заметила, что он чуть сутулится. До этого видела только лицо, и вдруг он повернулся спиной. Ревность молоточками стучала в висках, в груди, в кончиках пальцев. Кто ему посмел позвонить? Без ее разрешения!

Вернулся, как будто ничего не произошло, не было этих мучительных пяти минут.

— У них все хорошо. Дожди.

И снова улыбается. И снова — ее.

Вечером пришла догадка — а ведь она так и не сказала ему, что любит. Он не знает, что для себя, для своей души, для своего сердца, для своих бешеных молоточков в голове она уже все поняла. Он был ее от темных вихров на голове до пяток кроссовок. Но сам Олег пока не ведает об этом, поэтому продолжает

жить своей жизнью, не представляя, что эта жизнь давно (семь дней — вечность) не его.

Утром давилась кашей, вздрагивая на жадное распахивание дверей ресторана. Он все не шел, это было обидно и радостно. Разговор откладывался.

Маша решила, что он куда-то уехал. Что внезапно вернулся отец и увез его. Что он заболел. Что ночью пошел гулять к реке, споткнулся и утонул. Чего только не придумаешь за одно мгновение.

— Маша!

Это уже был рефлекс — она снова перестала дышать, жить, видеть.

— Пойдем! — махнул он рукой.

Что-то такое с ним было не то. Пройдя следом несколько шагов, поняла — спасжилет. Темно-зеленый.

— Будешь со мной кататься на катере?

Наверное, это было дорого — украшения, прогулки, кафе, — но кто в такие минуты думает о деньгах?

— Буду.

Хозяин катера хмыкнул, увидев их вдвоем.

— А родителей позвать не хотите? — решил он их подколоть.

— Не хотим, — спокойно ответил Олег, помог Маше сесть в качающуюся лодку. Она как вцепилась в его руку, так и не отпускала. Катер натужно загудел, вырываясь вдоль течения, а она все сжимала и сжимала его ладонь, потому что решающий момент наступал, наступил...

— Я тебя люблю, — произнесла одними губами.

Все, что происходило вокруг, понималось с некоторым опозданием — и то, что ее шепот сквозь рев мотора не слышен, и то, что она зачем-то закрыла глаза. И снова — зачем-то — очень сильно сдавила его руку.

— Что с тобой?

— Я люблю тебя, — повторила.

Катер прыгнул на бурунчик, лавка ушла из-под Маши, толкнув ее на Олега.

— Почему ты плачешь?

Кто плачет? Она плачет? И правда... плачет.

— Испугалась, — прошептала.

А он улыбался. Неужели не услышал. Она смотрела на него снизу вверх и понимала, что услышал, что доволен, что вот-вот ответит.

— Держитесь, голубки, — через плечо бросил водитель, и катер, едва не зачерпывая бортом воду, вошел в поворот. Запела, забурлила вода, застонала Катунь, пытаясь проглотить хлипкую лодку, надвинулись горы по берегам, далеким эхом полетел рев мотора, будя неповоротливых местных духов алмысов.

— Что вы делали?

Они не целовались. Олег поддерживал под локоть, если был крутой спуск, слегка обнимал, прощаясь. И Маша несла это объятие в свою комнату, роняла на подушку, заворачивала в одеяло. На этом жизнь заканчивалась, начиналось ожидание следующего утра.

Впереди было расставание. Впереди была смерть. И еще мама со своим — «не нравится».

— Маша, ты уже взрослая девочка, понимаешь, что Олег тоже взрослый человек, — упирая на слово *взрослый*, говорила мама. — Он может не рассчитать свои силы. — Мама поджимала губы — они никогда не говорили на эти темы. — Тебе рано заниматься сексом.

— Мама! — Маша вставала, чтобы уйти. Какой секс? Они даже не целуются. А вдруг он ее не любит?

Ужас заставляет замереть, упасть обратно на диван.

— Ну, что с тобой? — с тревогой спрашивала мама.

И так хочется ей сказать — что! Но раньше они отмалчивались, не затрагивая болезненных тем, и поэтому сейчас Маша не знает нужных слов. Все, что говорят другие, кажется банальным и неправильным. А мама все твердит и твердит без остановки.

Первое. Надо думать об учебе. Сначала дело, потом все остальное. Они с отцом имеют хорошее базовое образование, поэтому в жизни они состоявшиеся люди, а не голодранцы, не способные купить детям мандарины и лишнюю пару обуви.

Второе. Надо думать о статусе. Девочка из приличной семьи не должна опускаться до дворовой шпаны.

Третье. Всегда думать о репутации. Конечно, молодежь нынче продвинутая: секс, наркотики, рок-н-ролл, — но жизнь одна, и нельзя совершать поступки, о которых пожалеешь в последствие. Вот они с папой... И так далее.

А чего тут нарушать, когда все уже определено? Она и на падающие алтайские звезды загадывала, и валуны на лесных тропах, в которых живут местные духи, просила, и на перевале желание загадывала: когда клала камень в пирамиду, и когда ленточку к дереву привязывала. Она бросала свои желания ветру, шептала его воде Катунь, опускалась на обрывистые утесы, молилась в жесткую холодную землю.

Пусть Олег навсегда останется с ней.

— Так не бывает, — изнывала от зависти и ревности Юлька.

Маша заставляла ее раз за разом просматривать фотографии.

— У него наверняка есть какой-то недостаток, — выносила свой вердикт подруга. — Он инвалид, без руки, без ноги, с искусственным глазом.

— Он инопланетянин, — соглашалась Маша и тут же испуганно спрашивала: — Он мне позвонит?

— Не позвонит, — бляела Юлька, отъезжая на офисном кресле в угол.

— Мазурова! Я тебя убью! — кидалась к ней Маша.

— Степанова! Тебя посадят, и ты его вообще не встретишь!

— Он меня дождется.

— Ага, будет носить тебе цветочки на могилку.

Подруга подкатывала на кресле к столу, задумчиво смотрела на экран ноутбука.

За лето она неплохо загорела. Румянец пробивался сквозь бледно-коричневую кожу. Маша смотрела на себя в зеркало. У нее тоже есть загар, кирпично-красный, с обгоревшими щеками и кончиком носа. Алтайский. За один день ухитрилась сгореть, когда ездили на лошадях.

На лошадях...

В животе что-то больно скручивало, хотелось зажаться и завыть: «Олег!»

— Когда он должен вернуться?

— Завтра.

В глазах Юльки сочувствие. Она никогда не видела подругу в таком разобранном состоянии. Степанова всегда была готова рассмеяться, быстро на все реагировала, молниеносно делала уроки, и тут же звонила, теребила, требовала жизни и движения.

А теперь она сидит, уставившись на фотографию, и вот-вот заплачет. Ну, парень, ну, подумаешь. Не умирать же из-за него.

— Вы хоть целовались?

Маша качнула головой. Он даже не сказал ей, что любит!

— Ему восемнадцать. Может, он понимает, что между вами пока ничего не может быть? — говорит Юлька и многозначительно смотрит на Машу.

Маша натягивает короткую юбку на колени, пытаясь прикрыться. В словах подруги ей слышится эхо маминых утверждений. Это так неприятно.

— В конце концов, он свободный человек. Наверняка, у него в институте масса девчонок. Вон он какой — красавчик! — И Юлька щелкает ногтем по экрану.

— Убирайся отсюда! — кидает Маша подушку.

Юлька хохочет, бросает подушку обратно.

— Хватит киснуть, пошли на улицу.

А потом началась жизнь, потому что Олег позвонил.

— Привет!

И так знакомо перехватило дыхание, знакомо замерло сердце.

— Привет! — заорала она в трубку, словно пыталась перекричать все то расстояние, что их разделяло. Как там? Час на электричке?

— Оглушила, — смеется он, и она видит его повернутое вполборота лицо, морщинки, разбежавшиеся от улыбки.

— Ты вернулся? — Глупый вопрос. Конечно, вернулся, раз звонит. Вернулся, чтобы навсегда остаться с ней.

— Вчера прилетел. Мои столько камней на Укоке насобирали, что еле дотащили рюкзаки.

— Здóрово! — Других слов нет, голова пуста.

— К школе готова? — все еще смеется он.

— Я... — Зажмурилась, чтобы набраться храбрости. — Я соскучилась!

— Клево! — эхом отзывается Олег. — Я завтра буду в Москве. Ты где живешь?

Они еще немного поговорили, но в памяти осталось только ее безостановочное «здóрово».

— А-а-а-а! — вылетела Маша в коридор. — Мама-а-а-а!

— Что такое? Что случилось? — курицей закудаhtала мама.

— Он позвонил! Он! Позвонил! Он! Завтра! Будет! В Москве! И вдруг — как она могла забыть? — недовольный взгляд, поджатые губы.

— Ой, смотри, Маня. Будь очень осторожной.

Ну, как мама не понимает? Вообще — о чем она говорит? Что за глупости она говорит?

Маша хватается ветровку и вылетает на улицу.

— Юлька! — вопит она в трубку. — Он позвонил! Он завтра придет!

— Клево, — вздыхает подруга. — Ты где сейчас?

— Я бегу-у-у! — орет Маша. — Не знаю, что происходит. Мир прекрасен!

— Ну, и дура, — констатирует подруга и дает отбой.

Завидует. Ей весь свет сейчас завидует. Даже воробьи. Вон они как расчирикались.

Хотелось постоянно бежать вперед и постоянно улыбаться. Хотелось превратить все красные светофоры в зеленые, чтобы было вечное движение. А еще птицы. А еще небо — бирюзовое-бирюзовое, высокое-высокое. И ветер. И машины, много-много, и все разноцветные. И все куда-то едут. Всем куда-то надо. И ей надо. Пережить день, дожидаться завтра, чтобы, чтобы...

Ночью так переволновалась, что почти не спала.

— В дом его не приглашай, — напутствовала с утра мама. — И никуда с ним не ходи!

Маша смотрела, как белесый дымок поднимается над кофейной поверхностью, пыталась вспомнить, какой сегодня день недели, хотя бы число. В голове только месяц — август. Скоро в школу. Какая мерзость!

В инете ждало письмо. От него!

Школа — ура! Август — клево! Жизнь — прекрасна!

Рассказал, где будет ждать и во сколько. Рука сама тянулась к сотовому, чтобы позвонить Юльке, чтобы она пришла, чтобы сама убедилась — он только ее! Ничей больше! И пускай все старые тетки в его институте повесятся на собственных чулках.

Наряжаться начала за два часа. Все казалось, джинсы мешковато сидят сзади, все виделось, кофточка некрасиво топорщится спереди. Рассыпала на трюмо косметику. Руки дрожат, тени ложатся криво. Посмотрела на себя, и вдруг вспомнила — а он-то ее

видел целую неделю не покрашенной. Побежала умываться, закапала блузку. Но все это уже было неважно.

У него в руках были цветы. Огромные бордовые розы. Это было неожиданно. Это было шикарно.

— Клево, — пробормотала она, глядя в большие полураспустившиеся бутоны. Глаза поднять на него — нет, страшно, никакая сила не заставит.

— Прекраснейшей из прекрасных принцесс скромный подарок от скромного принца.

— Клево.

Розы кололись. У них были тугие крепкие листья, нагло глядящие вверх яркие головки.

— Ну, раз клево, то пошли.

— Куда? — Чего это она испугалась? Что потащит к ней домой и сразу займется сексом?

— Куда-нибудь!

И снова знакомый полуоборот, знакомые морщинки от улыбки.

— Я соскучилась, — выдохнула, чтобы в сотый раз не сказать: «Клево».

— Я тоже, — легко уронил он. — На Алтае было хорошо. У тебя фотки получились? Кинешь мне на диск?

Они все шли и шли, именно так, как и хотел Олег — куда-нибудь. По бульварам, до церкви, через кладбище, в парк. Там стаями носились голуби, скакали белки, недовольно цокали, требуя орешков. В парке катались на лодках. Цветы подвяли, потеряв свой воинственный вид, листья перестали быть тугими, бордовые головки смотрели с недовольным прищуром.

Вечером Маша сидела в комнате Юльки на подоконнике и смотрела на улицу.

— Ну, кто еще из нашего класса мог такое совершить? — вздыхала она. Бессонная ночь, долгая прогулка — и вот теперь ноги гудели, голова становилась тяжелой, хотелось спать.

— Ленка рассказывала, что Костик ей дарил цветы, — подавала голос с дивана Юлька. Ей порядком надоели страдания подруги.

— Ага, гнутые ромашки, — вяло отбивалась Маша.

— Ой, да ладно! А на восьмое марта они нас в кафе пригласили.

Маша закрывала глаза. Они сегодня тоже сидели в кафе. Ели мороженое. Маша долго не могла выбрать, и тогда он заказал все мороженое по одной порции. Чтобы она попробовала, и в следующий раз знала, что заказывать.

Родной класс воспринимался, как исторический фильм. Было это? Нет? Скорее — нет. Костик Ящеркин, Лешка Буслов, Борисов, Богдасаров, Кружко, Скрипочка... Ох, нет, Скрипочка это точно фантастика. Его наверняка не существует. Почему? А просто так!

Мальчишки представлялись маленькими и глупыми. Что они могут? Толкнуть на перемене, списать на контрольной, деревянно топтаться на дискотеке, сунуть в ладонь безобразную валентинку. Все они были некрасивые и прыщавые, глупо ржали и предпочитали ходить группками, словно в одиночестве становились беззащитными. Биологичка их так и звала — «стайные животные».

— Уже показала бы своего принца, — Юлька демонстративно листает журнал. Демонстративно. Ее задевает Машина любовь.

— Мы пойдем в кино. Хочешь, с нами?

— Слушать, как вы будете целоваться? Бр-р-р, гадость какая.

— Мы не будем целоваться. Мы будем смотреть кино.

Прощаясь, Олег слегка приобнял ее, тюкнул носом в макушку. Ей бы поднять голову, потянуться за нормальным поцелуем, но Маша застыла, чувствуя, что внутри от этого объятия, от этого прикосновения происходит настоящая буря, словно взорвалась шутиха с бабочками и теперь сотни крошечных крылышек щеко-чут ее изнутри.

— И все равно у него есть какой-то дефект. — Журнал полетел в сторону. — Он биоробот и подпитывается у тебя энергией. А еще он, наверное, недееспособен, поэтому избегает девчонок своего возраста.

Маша закрывает глаза. Голова кружится. От любви. От вчерашней бессонницы. От сегодняшней долгой прогулки.

Глава вторая
МЫ НЕ РАБЫ

Напечатала фотографии и теперь ходила везде с ним. Первого сентября тоже — вдвоем. Одноклассники разболтанно-несобренные, веселые, полные летом и солнцем. Все еще там, в каникулах, в беззаботности, еще глупо смотрятся в школьной форме, не помещаются за партами. С удивлением берут ручки, с трудом вспоминая, как их надо держать. Вертят тетради, не понимая, где у них начало. Буквы скачут мимо строчек. Слова летят мимо ушей.

— Ой, а Степанова у нас влюбилась, — томно тянет Мазурова на большой перемене.

Мальчишки глупо ухмыляются. Девчонки приторно охают.

— Зачем ты? — пугается Маша.

— А чего такого-то? Я вот не влюбилась и готова всем об этом рассказать!

И тогда Маша выпрямляется. Да, да, она влюбилась! Назло всем! На зависть всем. Он принадлежит только ей! Он ее. И он всегда с ней будет!

— А кто он?

— Откуда?

— Богат?

— Где встретились?

Пришлось доставать фотографию, краснея, рассказывать о Черемше, о реке Катунь, о великих Алтайских богах, что соединили их, о зеленом спасжилете.

Конечно, нашлись те, кто сказал, что он не красив, кто стал спрашивать про секс, про поцелуи, и про все то грязное, что в их представлении называлось красивым словом «любовь». Маша отвечала, понимая, что чем больше рассказывает, тем больше побеждает их всех, еще таких маленьких, таких глупых и недалеких, для кого любовь это тупое обжимание в подъезде. Над ней потом шутили, зло и глупо, но все напрасно. Она сильнее, потому что не одна. Она с ним.

Летели смс-ки. Он каждый день бывал в городе, но не всегда мог приехать. В телефоне звучал радостный ответ:

— Привет! Как живешь? Многому научилась за день?

Маша отвечала.

— Какая ты умница! Привезу тебе шоколадку.

— Когда?

— Извини, у меня вторая линия, я сейчас перезвоню.

Сердце стучало в горле — и оттого, что разговор внезапно прервался, и оттого, что сейчас снова будет говорить.

— Я все придумал, — смеялся он через минуту. — Встречаемся завтра. Парадная одежда не требуется.

Они долго ехали, а потом сидели в полной темноте. Это был ресторан слепых. Чтобы человек почувствовал себя немножко «без глаз», в зале не было света. Поначалу от темноты перед Машей плясали цветные пятна, но потом она привыкла. Даже не так. Она перестала замечать темноту, она растворилась в ней, мир вошел в нее. Вошел вместе с Олегом. Маша долго шарилась по столу, задевая тарелки, наконец, нашла его руку.

— Я люблю тебя, — прошептала, чувствуя себя героем плохой картины. — Мне очень хочется, чтобы ты со мной был всегда. Чтобы ты был мой.

Олег негромко рассмеялся.

— Что за собственные наклонности? Откуда это в тебе? Мне казалось, что современные девицы больше ценят свободу.

— Но ведь ты и есть моя свобода. Без тебя я не свободна.

Пф, сколько пафоса в ее словах. Словно в голове всплыл с десяток прочитанных книг про любовь.

— А ты меня любишь? — спросила тихо.

Темнота позволяла все. Даже такие вопросы задавать. А потом спокойно выслушивать ответ.

— Люблю.

Сердце, конечно, заколотилось (что-то оно все колотится и колотится последнее время, как бы не выпрыгнуло из груди и не убежало), но разум отметил — слишком спокойно он это сказал. Да что же она вечно всем недовольна!

— А за что ты меня любишь?

Олег был слишком хорош. Она все время чувствовала себя хуже, недостойней, а потому боялась, что он уйдет.

— За цвет волос, — Олег не убирал свою руку, позволял Маше держать себя.

— Я серьезно.

— Любят не за что-то. Ты мне просто понравилась. Как посмотрела. Как сидела рядом с родителями. За то, что ничего от меня не требуешь. За то, что ты приехала на Алтай. За то, что не боишься лошадей. Это редкое качество. Обычно девушки предпочитают моря и гламур, а ты не испугалась быть грязной в походе и жить без косметики. За то, что ты не такая, как...

Неожиданная пауза заставила повернуть голову на звук и как будто бы увидеть Олега.

— Как кто?

— Просто другая, — усмехнулся Олег. И словно соглашаясь с ним, звякнул мобильный.

Светлее не стало, значит, он не начал читать сообщение. Кто же ему там все время пишет? Мама проверяет? Здравствуй, параноя! Вот ты и пришла! Никакого мобильного нет, их отобрали при входе, вместе с часам и сумками.

— И еще — не привязывай меня к себе. Твоя жизнь продолжается, моя жизнь продолжается. У каждого из нас есть что-то, что принадлежит только ему.

— Что?

Вдруг нестерпимо захотелось заплакать. Показалось — он прощается с ней. Этот ресторан — красивый жест.

— Ну, не знаю...

А голос такой спокойный. Наверное, убийцы так же спокойно говорят своей жертве: «Сейчас все закончится».

— У меня университет, у тебя школа. Ты же общаешься с мальчишками. Если я буду ко всем ревновать, на земле не останется мужчин.

— Они глупые! — плакала Маша, стараясь ничем не выдать себя. Но горло перехватывало, горло дрожало, всхлип остановить было невозможно.

— Глупые, глупые, — похлопал он по руке. — Но все равно, если у человека не будет личной жизни, он превратится в серую безликую массу. Станет как все. Поэтому давай не будем воровать друг у друга его личность. Мы не рабы друг друга.

Она уже почти успокоилась, но было обидно. А как же ее мама с папой. Они все время вместе, интересуются, что у кого происходит. Папа в прошлом походник, играет на гитаре, хорошо поет, мама всегда с ним. На всех праздниках, во всех отпусках.

И они счастливы. Потому что вдвоем. А ей ведь тоже хочется быть «вместе» и только с ним. Знать каждый шаг, каждый поворот головы. С кем виделся, о чем говорили, что спросили на самостоятельной, какого цвета ручка. Каждый раз, не получая ответа на свой вечный вопрос «Что ты делал?», она сходила с ума от ревности. Потому что ей так необходимо было знать, что он делал. По минутам.

А он не говорил. Отшучивался.

— Сегодня не могу.

— Почему?

— Занят.

— Чем?

— Делами.

От таких слов внутри у нее все взрывалось криком отчаяния. Казалось, что дела эти — другая девушка, интересное занятие с друзьями, где ему хорошо и весело. Весело, потому что нет ее, а есть кто-то другой.

Стала плохо учиться. Даже не так — вообще перестала слышать, что говорят, что задают, даже цвет учебников не помнила. Оранжевые, потому что первого сентября одела их в обложки. Это все, что она сделала для школы. Ну, еще тетрадки подписала. А дневника у нее не было. Не успела купить.

— Что? Это? Такое?

Мама после работы пришла непривычно поздно и бросила Маше на кровать листок, исписанный тревожно-красными чернилами. Знакомые буквы поначалу не читались, а потом сложились в неожиданное.

«Алгебра — 3.

Геометрия — 2.

История — 3.

Английский язык — 3.

Русский язык — 3.

Литература — 2...»

Дальше какой-то штакетник слов и закорючек.

«Невнимательная, не слушает учителя, пропускает, грубит, не делает уроки. ЗАВЕДИТЕ ДНЕВНИК!!!!!»

— Что это, я спрашиваю?

Слова, слова, слова.

— Я запрещаю тебе встречаться с Олегом! Я запрещаю даже имя его произносить!

А правда, что это?

Маша развернула к себе листок. «Оценки за первую четверть». Как? Уже октябрь заканчивается? Не может быть.

— Мама! — Набрала в грудь побольше воздуха. — Если у человека не будет личной жизни, он превратится в серую безликую массу. Станет как все. Поэтому давай не будем воровать друг у друга его личность.

— Что-о-о-о? — Мамины глаза незнакомо округлились. — Сейчас же позвонила своей подруге Мазуровой, взяла у нее домашние задания и села за учебники! Неделя осталась! Чтобы ни одной двойки.

Мамины слова легким весенним ветерком обвевали ее, не задевая. Конечно, она сейчас позвонит Мазуровой, но не для того, чтобы спрашивать уроки. Никакие уроки ей не нужны, если не будет Олега. Потому что она не может бесконечно складывать и вычитать. Зачем ей эти бессмысленные занятия без ее любви. Что ей страдания Наташи Ростовской? Да, той тяжело было целый год ждать своего жениха, но никто не запрещал ей это делать. Ходить тенью по дому, у всех просить: «Дайте мне его!» И все ведь с пониманием относились. А здесь что? Из-за каких-то троек столько криков. Уроки это ведь проходящее, ненужное, сегодня выучил, завтра забыл. А Олега завтра может уже не быть. Поэтому все учебники летели в сторону, слова учителей пылью оседали на плечи.

— А ты богатый? — решила она как-то пройтись по обязательному неписанному списку, который выдали ей одноклассницы первого сентября.

— Боишься, что у меня быстро кончатся деньги?

— Нет, — заторопилась Маша. — Вообще.

— Если вообще, то у моего отца своя фирма, я для него занимаюсь переводами, поэтому деньги у меня есть. Не больше, чем у остальных, но я не трачусь на ерунду, поэтому складывается впечатление, что их у меня много.

— А машина есть?

— У меня есть тележка, я в нее впрягаю дворовых собак. Очень быстро везут.

С Олегом было хорошо смеяться. Особенно на улице, где не давили стены, где никто не шикал, потому что чужое веселье всегда кому-то мешает.

Олег появлялся не так часто, чтобы их отношения могли начать повторяться. Сходили в зоопарк и планетарий. Наступающие холода заставляли торопиться — в парк, кругом по бульварам, в музей Серебряного века. Казалось, что, встречаясь, Олег спешил все успеть, оставить о себе больше воспоминаний, чтобы надолго хватило.

— Я знаю, что с ним, — вдруг вынесла вердикт Юлька. — Он болен.

— Чем? — опешила Маша.

Она сбежала к подруге, сказав, что пошла делать уроки. Отпущенная мамой неделя истекала. Степанова на это смотрела, как на игру — мама, Олег, школа. Она же сидела в партере, не вовлеченная в действие, с любопытством ожидая, что будет. Как толковый зритель, она предчувствовала, что через пару дней будет скандал, и теперь с интересом ждала, когда он начнется, кто заговорит первый.

— Чем-нибудь неизлечимым. — Юлька опять листала журнал, изображала из себя равнодушные. — Например, туберкулезом. — Сказывалось знание «Героя нашего времени», у княжны Веры была чахотка, благородная болезнь. — Скоро помрет — берет от жизни все. Поэтому же и не целуется. Или у него лейкемия. Будет умирать долго и мучительно.

— Какая лейкемия! — не выдержала Маша. — Он совершенно здоров. У него одна болезнь — повальная мобилизация. Ему постоянно смс-ки пишут.

— Поэтому он не целуется?

— Да целуется он!

Маше оставалось только отвернуться к окну. Вопрос с поцелуями ее очень волновал. Они были знакомы два месяца, а до недавних пор Олег ограничивался только дружескими объятиями. Но тогда, в ресторане, он ее все же поцеловал. Маша толком ничего и не поняла, настолько это было неожиданно, а главное — быстро. Вот его дыхание на ее щеке, вот сухие губы касаются ее губ, вот они решительно прижимаются и... прохлада — Олег отклонился, сел на место.

А поцеловаться так хотелось. Она теперь почему-то смотрела всем на губы и пыталась представить, как могут целоваться мальчишки. Например, одноклассники? Фантазии не хватало. Взять, например, Богдасарова, толстого увальня с пухлыми губами. М-да... с ним стоять рядом скучно, не то, что о поцелуях думать. Или Костик. Темные глаза с длинными ресницами. Ему все девчонки в классе завидуют — ресницы обалденные. А вот губы сухие, потрескавшиеся, словно он специально на них иссушающий крем на ночь кладет. Колюче, наверно. Или вот Колесников. Наверняка, уже с кем-нибудь целовался. Но у него такой рассеянный взгляд и смотрит он, когда говорит, куда-то в сторону.

«Ой, да это ерунда, — набивала Юлька длинное письмо в чате. — Что там в поцелуях? И вообще вся любовь это эйфорическая реакция на секрецию на начальном этапе 2-фенилэтиламина, допамина и нозепинефрина, с последующей поддержкой уже «долгоиграющими» эндогенными морфинами — эндорфинами».

«У тебя ничего не болит?» — осторожно интересовалась Маша.

«Голова, — отвечала Юлька. — От всех твоих соплей. Сколько можно с ним возиться?»

«Влюбишься, узнаешь, сколько можно».

Юлька начинала сдавать позиции и переставала слушать. Стоило Маше заговорить про Олега, как она хмыкала и меняла тему разговора.

— Надоело! — сказала она однажды. — Как будто у других жизни нет, только у тебя.

Кончалась первая четверть. Это событие решили отметить.

Маша молчала до последнего дня, когда дальше тянуть было уже бессмысленно, и робко предложила:

— Девчонки из нашего класса вечеринку затевают. Ты придишь?

— Я, наверно, стар для твоих девчонок, — неожиданно равнодушно отозвался Олег.

— Что ты говоришь! Все с парнями будут.

— Маша! Нам обязательно надо быть там, где все?

— Но там же народ.

Степанова начинала злиться. Она так волновалась, все придумывала, как скажет Олегу, как он с радостью согласится. А тут

вдруг такой ответ. Неожиданно, а потому его надо было уговорить непременно. Маша раздражалась сама на себя, что не может подобрать самых верных слов, после которых никаких споров уже не будет. А потому начинала еще больше злиться на Олега. Ведь все из-за него: и ее неловкость, и расстройство. Что ему не нравится? А главное, если Олег сейчас упрется, то его никакими силами не уговоришь. Может даже обидеться.

— Ну, пойдем, ну, пожалуйста!

Только бы согласился! Все девчонки от зависти подохнут. Они уже замучили ее вопросами, какой Олег. Он клевый. Его достаточно один раз увидеть, чтобы все понять.

— Я слишком известный человек, чтобы везде ходить.

— Ну, какой ты известный!

Он уходил, Маша его догоняла. Выглядело это глупо.

— Олег! Я обижусь!

— Отлично! — Звонко щелкнул пальцами

Черт!

— Мне без тебя там будет плохо.

— Это хуже. — Остановился. — Я завтра не могу, у меня дела.

Звякнул сотовый.

— Извини. — Отошел в сторону, стал быстро отбивать сообщение. С кем он там все время переписывается?

— Какие могут быть завтра дела, если суббота?

— Надо ребенка в зоопарк сводить, — ответил, не отрываясь от телефона.

— Какого ребенка?!

Он не слушал. Он не смотрел. Ему вообще было плевать на нее.

Поднял голову, улыбнулся.

— Не сердись, малыш, я, правда, завтра не могу.

Она стояла, накаляясь раздражением. Олег не должен так поступать! Это не честно.

— Ты меня не любишь!

— Ты уверена?

И снова в его взгляде столько простоты, столько легкости, как будто не с Машей говорит, а сам с собой. И словно ему все равно.

— Ты — мой? И ты должен быть со мной! — крикнула, не слыша себя.

— Я — свой.

Опять улыбается. Чему он все время радуется?

Обида ударила в переносицу, луковой кислотой защипала в глазах.

Попятилась.

— Тогда можешь не приходиться! Совсем не приходиться!

Олег кивнул. Даже плечами пожал. Маша побежала, он не стал ее останавливать. Бежала, пока не поняла, что не чувствует ног, что уже не бежит, а уныло бредет.

— Почему он так? — рыдала она вечером у Юльки. — Мог бы остановить!

— А бежала зачем? — Подруга была мрачна.

— Бежала? Я разозлилась!

— Так ты бежала, чтобы он догонял?

— Ну, да.

— Вот и дура! Если хотела, чтобы он догонял, вообще не надо было убегать. Стояла бы на месте.

Эти слова прибили к подоконнику. Ну, зачем, зачем она убегала? Все пропало. Он не вернется!

Мама встретила тяжелым взглядом.

— Маша! Это что?

Все-таки дневник у нее появился. Классная руководительница лично купила, чтобы по всем неделям расставить полученные оценки, чтобы жирными красными чернилами вывести: «Девочка не учится! Родители! Примите меры!»

Хотела пройти мимо, хотела упасть на кровать. Хотела умереть.

— Всю неделю будешь сидеть дома! Я отбираю у тебя ключи от квартиры и сотовый телефон! Я запрещаю тебе с кем-либо созваниваться. И никакого больше Олега!

У Маши началась истерика. Она сползла по стенке на пол, она попыталась спрятать лицо в колени.

Мир! Почему ты так жесток? Почему ты так несправедливо жесток!

— Его больше нет! Нет! — орала Маша, отплевываясь от воды — мама смогла затащить ее в ванную, поставить под душ.

— Отец! Валерьянку неси! — кричала мама в коридор.

— Нет! — рвался из Маши вопль.

Маша еще плакала, но было уже как-то все равно.

— Поссорились, — шептала мама.

— Ты уж с ней поосторожней, — отвечал папа. — Все-таки первая любовь.

— Какая любовь в ее возрасте? — Мамин голос шел по нарастающей.

— Вспомни себя в пятнадцать. Она уверена, что это навсегда.

Мама не помнила. Как будто она сразу родилась вот такой — взрослой и уверенной в себе.

— Ну, что ты несешь? Навсегда! Скажешь тоже! Мальчик развлекается. Здоровый лоб, занятие себе найти не может.

— Это скоро пройдет. Первая любовь — она такая, со слезами.

— Какое пройдет? У нас нет времени ждать! Ей учиться надо, к институту готовиться. Профессию получать.

— Пройдет, — грустно говорит папа. — Первая любовь всегда проходит. Как первый снег.

Маша шевелится. Ей хочется сказать, что, может быть, первый снег и проходит, но ее любовь никогда не пройдет.

— Что ты шумишь! — накидывается мама на отца. — Она почти заснула.

Папа поглаживает Машу по плечу. Она не видит, но знает, что эта широкая теплая ладонь — его. Опять хочется плакать. И она плачет. Но это уже все происходит во сне.

Утром Маша проснулась с тяжелой головой. Состояние было такое, словно на нее положили бетонную плиту. Грудь сдавливалось, порой становилось нечем дышать, глазам было больно смотреть на свет. Движения неуверенные и медленные. Происходящее воспринималось, как сквозь толщу воды.

— Будешь хлеб с маслом? — предлагала мама.

Маша переводила на нее взгляд. Что ответила, не помнит, но мама уже передает ей бутерброд. Успела согласиться? Когда? Папа глядит испуганно.

— Тебе Юля звонила, спрашивала, пойдешь ли ты на вечеринку, — осторожно говорит мама.

Какая вечеринка, если Олега больше нет?

Слезы медленно покатались по щекам. Жевать стало неудобно. Маша отложила бутерброд. Выползла из-за стола.

Мама с папой тут же стали ругаться.

— Нашла, когда напомнить! — громким шепотом возмущался папа.

— А что я такого сказала? Ей было бы сейчас хорошо развеяться.

— Наверное, они договаривались идти вместе! — проявлял прозорливость отец.

— Мне-то откуда знать?

Маша лежала на кровати, смотрела в потолок, и ее переполняла обреченность. «Все кончилось, — шептал ей голос. — Больше ничего не будет. Ни смеха, ни радости. Одно бесконечное умирание».

— Ну? Что ты разлеглась? — ворвалась Юлька. — Два часа осталось! Быстро встала! Чего тут надевать?

Маша сидела и удивленно смотрела на активно действующую подругу. Перед глазами все плыло.

— Я не пойду, — произнесла неубедительно.

— Куда ты денешься!

Юлька вывалила из шкафа всю одежду. Впрочем, она и так знала, что тут есть, можно было особенно не копать.

— Джинсы! Топик! В путь!

— Какой путь? — Маша пыталась уклониться от летящих в нее вещей, но джинсы повисли на голове, топик зацепился за плечо.

— В ванную! Быстро! Ты себя в зеркало видела? Кикимора бо-лотная! Скоро утонешь в своих соплях

— Я никуда не хочу, — хныкала Маша, чувствуя, что слова ее звучат неубедительно.

Вода смыла оцепенение. Когда Маша вышла, по всей квартире восхитительно пахло кофе. Родители словно исчезли, хозяйничала Юлька.

— Давай шевелись! — азартно кричала она, наблюдая, как шипящая коричневая струя кофе из машины бьет в белое дно чашки. — Скоро мальчишки придут!

— Какие мальчишки? — смеялась вместе с подругой Маша.

— Я договорилась с Ванькой Колесниковым и Сашкой Максимовым, они за нами зайдут.

— Максимовым? — Как будто ее это удивило.

— Отстань!

Рука с чашкой дрогнула, и кофе закапал через край. Обе кинулись сначала за салфетками, потом к луже.

— Ты же можешь только себя слышать! — весело кричала Юлька. — А мир вокруг живой, Земля крутится!

— Правда, что ли?

В дверь позвонили, когда Маша еще бегала с мокрой головой. Сашка высокий, темноволосый, с простым непримечательным лицом. Ваня с быстрыми темными глазами, черные густые волосы падают на лоб, он их смахивает в непослушную челку. Улыбка слегка рассеянная.

Юлька глупо хмыкает Максимова, на мгновение застывает. Маша чувствует укол ревности — Юлька с Сашкой, а она... она одна. Снова захотелось плакать. Но не успела.

— Помочь? — спрашивает Колесников. Голос мягкий.

— Идите пока на кухню! Мы сейчас!

Юлька бросает очередной многозначительный взгляд Сашке и с хохотом заталкивает Машу в комнату. Что-то жарко шепчет. Но в Маше уже проснулась обида. Она вновь вспоминает, что одна. Вяло переодевается, нехотя сушит голову. Подкрашивает ресницы, чтобы не так были заметны опухшие глаза.

Мальчишки врываются в комнату в масках.

— Ар-р-р! Вампиров заказывали?

Юлька смеется. Вслед за ней становится весело и Маше. 31 октября. Хэллоуин. Праздник!

— Теть Марин! Мы пошли! — крикнула Юлька в сторону закрытой двери родительской комнаты.

По дороге к квартире Гриши Шульгина, где было решено провести вечеринку, они невольно разбились на пары. Юлька от подъезда подхватила Максимова под локоть и, заставляя его подстраиваться под ее широкий шаг, повлекла вперед. Маша сначала пыталась идти за ней, но потом отстала, невольно поравнявшись с идущим сзади Ваней. Он чуть отвел руку назад, словно собирался обнять. Но... ее опасения оказались излишними — он всего лишь стал идти чуть ближе. Юлька что-то без умолку говорила и говорила. Маша с Колесниковым молчали. Ваня косился на темные кусты и деревья, словно оттуда должны были появиться гоблины.

Если бы здесь был не тихий Колесников, а веселый Олег...

Шульгины жили богато. Четыре комнаты. Самая большая — гостиная. Ее и отдали под разгром. Длинный стол был придвинут к бесконечной стенке и заставлен пластиковыми тарелками.

Народ потихонечку собирался, каждый приносил с собой еду. Больше всего оказалось хлеба. Девчонки на кухне быстро соорудили маленькие бутербродики, накальвали их на шпажки.

Юлька успела везде. Разбила стакан, просыпала виноград, всех обрызгала шипучкой, заставила поменять музыку, принесла свою любимую «Лакримозу», требовала, чтобы выбросили в окно «Токио Хотел».

Решили не мудрить и пиццу выкладывали прямо в фирменных коробках. Музыка перекрывала голоса. Кто-то уже пританцовывал. Мишка Борисов, с ленцой, нехотя, прохаживался по комнате, разминаясь — он профессионально занимался танцами и был королем всех школьных дискотек. Мелькнула пара незнакомых лиц. Девчонки отважились привести своих приятелей. А мальчишки все еще держались своей стаей, не предавая мужского братства.

Праздник набухал. Музыка становилась громче. Танцующие натыкались на стол — он начинал мешать. В руках у парней появилось пиво — не удержались и сбегали за ним в магазин. С недосыпа и от переживаний голова у Маши начала гудеть. Мир снова плыл перед глазами. Кто-то нахлобучил ей на голову остроконечную шляпу колдуньи с паучками на фиолетовом фоне. Один раз Максимов вытащил ее в круг танцующих. Юлька сверкала довольными глазами — сто пудов, ее идея.

— Степанова! Тебя!

— Чего?

Она пробивалась сквозь подмигивающий свет, сквозь рев музыки.

— Ничего! — недовольно крикнул Шульгин. — Выйди в коридор!

Гриша исчез. На его месте появился Олег.

— Клево выглядишь!

Он не перешагивал порог. Стоял там, за дверью. Где ветер и холодно. Хэллоуин — праздник, когда граница между миром живых и мертвых исчезает, когда монстры оттуда приходят сюда. Но кто из них — монстр, кто — человек?

— Привет! — прошептала.

И вдруг радость толкнулась в груди. Словно до этого она что-то никак не могла понять, а теперь все стало ясно. Вот он — Олег. Ничего не закончилось. Все продолжается!

— Олег! — взвизгнула Маша, перепрыгивая колдовской порог и повисая у него на шее.

Все, монстры смело могли входить в ее жизнь.

— Как же ты нашел меня? Почему не позвонил?

Она сыпала вопросами, не дожидаясь ответа.

— У тебя телефон не отвечал, я подумал, что-то случилось.

— Телефон? — она хлопнула себя по бокам, словно проверяя карманы. — Ах, телефон! Его у меня мама забрала.

— У тебя чудесная мама! — неожиданно согласился Олег. — Я пришел к тебе, и она мне сказала адрес.

— Кто это?

Оказывается, Шульгин никуда не ушел. Стоял, внимательно смотрел сквозь стекла очков. Взгляд у него был колючий, отгаливающий.

— Это Олег!

— А-а-а, — протянул Гриша и равнодушно отвернулся.

— Пойдем же, пойдем! Я тебя со всеми познакомлю!

Глава третья

«СЧАСТЬЕ МОЕ Я НАШЕЛ В НАШЕЙ ДРУЖБЕ С ТОБОЙ...»

— Когда ты весь день не брала трубку, я испугался, что больше не увижу тебя.

— А я всю ночь проплакала, думала, все закончилось.

Они танцевали, и им было все равно, какая звучит музыка — быстрая или медленная, грохочущая или еле слышная. Они не спешили переступали на занятом пятачке. Наверное, музыка выключалась, они этого не слышали.

— Зачем ты его притащила? — шипела вечером Юлька. — Вы вдвоем могли вообще не приходить! Танцевали бы где-нибудь в подворотне. Вам же никто не был нужен.

— Ты теперь поняла, какой он! — вздыхала Маша.

— Подумаешь. — Юлька смотрела в сторону. Наверняка, завидовала. — Колесников обиделся. Он весь вечер собирался с силами, чтобы тебя пригласить на танец, но ты же от своего не отлипала.

— Он клевый! — снова вздыхала Маша.

— Ты меня вообще слышишь? — злилась Юлька.

Степанова стала заниматься. Это было мамино условие — идет гулять только после того, как выполнит с десятков заданий. Каникулы, утро свободное, почему бы и не позаниматься? Она лихо сокращала дроби, выписывала формулы, вчитывалась в истории давно умерших людей. И в каждом задании видела маленький шажок вперед — ближе к Олегу на целый пример.

Неделя, другая.

Ноябрь нудел ветром и дождем, пачкал сапоги, заставлял прятать руки в карманы. Маша смотрела на пасмурное небо. Из подъезда ей было видно немного — рваный пятиугольник между ее домом и высоткой напротив. Еще боковые дома старались, чтобы обзор был поменьше.

— Скорей бы зима, — жаловалась она.

— Ты любишь снег?

— Я люблю зиму.

Они уже полчаса стояли около входной двери, не в силах расстаться. Каждый раз находилась новая тема. Стояние в подъезде стало ритуалом. Вроде бы условились о следующей встрече, вроде бы сказали: «Пока». Но все равно стояли, смотрели вокруг, договаривали начатые темы, заводили новые разговоры. Однажды простояли так два часа. Маша закоченела. Перебрались в подъезд. Но внимательные взгляды жильцов, ожидающих лифт, выгнали опять на холод.

— Слишком тепло не одевайся в следующий раз, — прошептал Олег.

Заинтригованная Маша выбрала темно-фиолетовые колготы, короткую шерстяную юбку, свитер и куртку в пояс. Олег фыркнул, увидев ее наряд, и повел к троллейбусным остановкам.

Они приехали на каток. Огромный спорткомплекс, убегающие под потолок трибуны. Подо льдом хоккейная разметка — центральный круг, полукружья зон нападающих и защитников. От белесой поверхности веяло давно забытым морозцем. Словно, и правда, пришла зима. Настоящая. Как и должно быть в середине ноября.

Им выдали коньки. Рядом с уверенно шнурующимся Олегом, Маша почувствовала себя неловко. Вот как сейчас оплошает, как грохнется.

Но грохнулся Олег. Они успели покататься всего ничего, как Маша споткнулась, неловко оперлась о руку Олега, дернула его на себя. Олег совершил умопомрачительный кульбит и плашмя рухнул на лед. Вылетел из кармана сотовый телефон. На взрытой снежной крошке появились красные пятна. Маша попыталась поднять Олега, но сама плюхнулась на попу.

— Ты жив? — Она испуганно смотрела на его разбитые ладони.

— Если что-то болит, значит, жив, — простонал Олег, садясь на лед.

— Ноги? Руки? — теребила его Маша. Олег морщился.

— Как я, а? — все переспрашивал он, медленно приходя в себя.

Штаны оказались порваны на коленке. Сидеть на льду было холодно, Маша снова начала поднимать Олега.

— Ты подожди меня в кафе, — попросил он, и медленно,ковыляя, побрел к выходу с катка.

Маша с жалостью смотрела ему вслед, понимая, что ничем помочь не может. Попыталась встать.

— Твой парень уронил. — Обдав ледяной крошкой, около нее затормозил мальчишка.

Сначала она вспыхнула от словосочетания «твой парень» — было чертовски приятно, потом только поняла, что ей отдают. Мобильный Олега. Сразу вспомнила, как черная коробочка отлетела в сторону.

— Спасибо, — пробормотала смущенно, потому что незнакомец еще и помог подняться.

Нет, все-таки жизнь штука хорошая. И мир — добр и честен. И вообще — все было прекрасно.

В первую секунду она не поняла, что это издает такой странный звук. Даже испугалась — прямо в руке у нее что-то пыталось взорваться.

Трам-пам-пам, — повторилась музыка.

Повальная мобилизация! Сотовый Олега. Усмехнулась, вспоминая, как эта музыка постоянно прерывала их разговоры, как вклинивалась в его рассказы, как отвлекала от кино.

«Какая назойливая мама», — подумала Маша.

Она не собиралась читать чужие сообщения. Просто разжала кулак и глянула на требовательно гудящий телефон.

Это была не мама.

Некто, спрятавшийся под ником «Котенок», спрашивал «Когда ты?..» Чтобы прочитать сообщение дальше, надо было снимать блокировку клавиш и открывать папку «Входящие». Ничего этого делать она не стала.

Экран медленно гас, словно телефон вдруг понял, что сообщение доставлено не по адресу, что читающий его сейчас человек — ошибочный адресат.

Сразу в голову полезло слишком много мыслей. Что может спрашивать Котенок? Когда ты придешь? Когда ты принесешь мне собрание сочинений Льва Николаевича Толстого? Когда ты — что? Давно они знакомы? Котенок... Понятно, что приятеля он так не назовет. Значит, девушка. Он Машу никогда так не звал. Он вообще никогда не называл ее уменьшительно-ласкательными именами. Маша. Пару раз — Машенька. Один раз — любимая. Значит, Котенок появился недавно? Или давно? Смс-ки сыпались в первого дня знакомства. Котенок уже был. Он уже спрашивал: «Когда ты?..», и Олег ему отвечал, что как только уйдет от Маши. И шел. А когда говорил, что занят, был с ней? «Ребенка надо сводить в зоопарк!» А потом примчался на вечеринку, чтобы смотреть ей в глаза и врать. Врать постоянно!

Сквозь строй бесконечных вопросов стало пробиваться главное — а вот теперь действительно все кончилось. Навсегда. Навсегда... И никогда-никогда не вернется. Абсолютная вера в человека, в его слова, в то, что он ее любит и не обманет, рушилась.

— Ну вот, я жив! — ворвался в кафе уже снявший коньки Олег.

Маша улыбнулась. Она не очень понимала, что происходит, но в памяти еще крепко держалось убеждение, что Олег хороший, поэтому надо улыбаться. Чтобы он улыбнулся в ответ.

— Что с тобой?

Уголки рта судорогой повело вниз. Она пыталась заставить их вернуться вверх, чтобы выдержать улыбку, но слезы уже текли. Все было бесполезно.

— Что случилось? — Лицо у Олега испуганное.

— Тебе пришла смс-ка.

В первую секунду он нахмурился, дернулся, чтобы проверить карманы, но телефон лежал на столе. Он его узнал.

— Что же ты, — спросил нервно, — чужие сообщения читаешь?

— Я не читала. — Голос падал, и вслед за ним летела в бездну Маша.

Олег быстро взял телефон, привычными движениями оживил его, заставил светиться, радостно пищать, отдавая послание.

— Это сложно объяснить... — медленно заговорил Олег.

— Не надо объяснять! — выкрикнула Маша.

Ей хотелось убежать, спрятаться, закопаться лицом в подушку. И она вскочила, забыв, что на ногах коньки. От удара стол отъехал в сторону, зазвенела подставка с солью и перцем.

— Ну, куда же ты? — поймал ее Олег.

— Не трогай меня!

Он впервые был совсем-совсем близко от нее. Одной рукой держал за локоть, другой крепко прижимал к себе, чтобы Маша не падала. Или чтобы не убежала?

— Пойдем, переобуемся! — тихо предложил он.

— Я ничего не хочу.

Маша широко шагнула, словно была в ботинках. Тонкое лезвие — лодыжку подвело, и она снова оказалась у него в руках.

— Я сейчас все объясню, — зашептал он в ухо. — Только не шуми.

Плечом, боком, бедром она чувствовала, какой он сильный, какое крепкое у него тело, она слышала уже ставший таким знакомым, таким родным запах. Хотелось замереть вот так, и никогда, никогда не расставаться. Но это делать было нельзя. Память предавала ее, все вокруг ее предавали.

— Не хочу! Не хочу! — отбивалась Маша.

— Эй, молодежь! — крикнули от барной стойки. — Идите во-звиться на улицу.

— Ее зовут Алиса, я ее знаю сто лет!

— И поэтому она Котенок? — Слезы превращали длинный коридор раздевалки в мутное царство водяного царя. Неприятная ватная слабость делала тело гуттаперчевым, оно гнулось, нарушая все законы физиологии.

— Алиса Котова! Ее все звали Кот. Я — Котенком. Я с ней учил-ся в школе.

На секунду все стало прозрачно и понятно. Одноклассница. Почему бы однокласснице ему не написать?

Но через мгновение все снова погрузилось во мрак.

— Мы пожениться хотели.

— Что?

— Да, да! — воскликнул Олег, и его слова эхом метнулись в коридоре. — У нас был роман в школе. Ну, знаешь, детский сад, ходили вместе в одну секцию. Когда я с ней попытался расстаться, она вскрыла себе вены. Сказала — из-за меня. После школы наелась таблеток, потому что не смогла поступить в тот же вуз, что и я. Ее нельзя волновать. Она суицидница.

— Отойди! — уперлась ему в грудь руками.

— Коньки хотя бы сними!

— Ты меня обманул!

— В чем?

Маша набрала в грудь воздуха и не нашла, что сказать. Во всем! В том, что тогда, в Баранголе, подошел. В том, что сейчас стоит рядом. В том, что заставил поверить в хорошость этого мира.

— Машенька, солнышко. Пойми, я не мог тебе рассказать об Алисе. Ты бы не поняла.

— И сейчас не понимаю.

Уши неприятно заложило. Как же больно! Больно! Сам воздух наполнен болью.

— Ты мне очень нравишься! Почему я не могу проводить с тобой время?

— Я думала, мы будем все время вместе!

— Что такое «все время»? Я с тобой!

— Ты — с ней! Не со мной!

И словно подтверждая ее слова, снова ожил телефон. Он звенел и вибрировал, он извивался, требуя, чтобы его немедленно взяли.

— Я не могу ее бросить! Она покончит с собой. Ей и идти некуда. У нее мать пьет, Алиса у нас живет. Я все надеюсь, что она кого-нибудь встретит.

Сколько страданий в его глазах и словах. Но еще большая мука была у Маши в груди. Держась за стенку, она побрела к раздевалке. Ничего не видя вокруг себя, получила свои ботинки.

Туп, туп, туп, — это шла не она, это делало огромные шаги ее сердце. Оно требовало движения, потому что остановка — это смерть.

— Маша!

— Не надо больше ничего говорить! Я думала, ты меня любишь!

— Я тебя люблю! Но понимаешь, Алиса... Если она умрет... Как мне после этого жить?

— Не понимаю! Не понимаю! Теперь я умру!

— Машенька, солнышко! Ты такая светлая, такая беззаботная, ну, почему ты так жестока?

Слова ударили. Мир закачался.

— Я жестока? — прошептала она, и слова ее разлетелись как в безвоздушном пространстве. — Я люблю тебя... Любила... Больше не люблю.

Она упала на лавку. Шнурки путались, цеплялись за крючки, Маша рвала их. Слезы мешали смотреть. Он стоял рядом. Не помогал. Зазвонил телефон.

— Да, Алиса, — тихо ответил Олег. Из трубки слышался голос, но слов было не разобрать. — Я приеду через полтора часа, выходи с Флором к пятичасовой электричке.

Все-таки она оказалась права — где-то там была целая жизнь, и в ней не было места для Маши.

— Для меня было такое счастье встретить тебя. Жаль, что ты меня не поняла. Но я все равно буду любить тебя. Потому что ты — жизнь. А там, где сейчас я — смерть.

Он ушел. Маша не заметила этого. Тяжело вздрогнула, когда поняла, что в раздевалке рядом с ней больше никого нет. Горе поселилось в каждом предмете, на который она смотрела. От этого стало тяжело дышать, появилась резь в глазах.

Перед ней остановился малыш. Долго смотрел в лицо.

— А что ты плачешь? Коленку ударила?

Маша быстро закивала, надеясь справиться со слезами, но они все текли и текли и никак не получалось их остановить. Холодная вода жгла лицо. Осенний ветер щипал покрасневшие щеки. Глаза разболелись, и вообще перестали что-либо видеть. Маша шла, надеясь, что ее сейчас собьет машина, и все закончится. Но машины гудели, машины тормозили. Машины объезжали.

— Маша, ты пойми, все пройдет, — говорил отец. Он тихо вошел в комнату, долго сидел молча, прислушиваясь к шуму из открытого окна. — Это сейчас тяжело, и с этим ничего не поделаешь. Но представь, как будет через год. И даже не через год, а через

месяц — ты вспоминать об этом не будешь. Будешь рассказывать друзьям, как о приключении.

— Почему он так поступил? — стонала Маша. Слез не было. Ее не было. Она растворилась в мире. Боль разорвала ее на отдельные частички, и теперь она чувствовала ее каждой клеткой.

— Что ж теперь поделаешь? — гудел папа.

— Он плохой! — выла Маша.

— С хорошими людьми в мире туговато, — соглашался папа.

— Какой мерзавец! — шипела вечером на кухне мама. — Я так и знала! Так и знала! Хорошо, не успел никаких дел натворить. Надо поехать и поговорить с его родителями! Это же какая безнравственность!

— Не суетись! — бухтел в ответ папа. — Здесь и так у всех напряжены нервы.

— А ты его защищаешь! У него ребенок третий день пластом лежит, а он защищает подонка!

— Да ничего не произошло! Обыкновенное взросление. Перемелется, мука будет.

Маша закрывала глаза, и на нее сыпалась белесая мучная пыль. Где-то там, высоко в небе, стояла огромная мельница. Со скрипом, лениво крутились тяжелые лопасти, нехотя шевелились жернова, раскалывали зрелые зерна, выдавливалось белое нутро, перетиралось в порошок, ссыпалось в ложбинку. Мука плавно стекала вниз и падала на Машу, прикрывая ее ровным слоем. Если некоторое время полежать без движения, то Маша исчезнет. Ее не станет. Она сравняется с землей, и никто больше не вспомнит, что была такая Степанова. Что любила смеяться и танцевать, что слушала музыку, что переписывалась с друзьями в чате.

— Это все ты виноват, — ругались за дверью родители. — Он хороший! Не мешай им. Вот — не мешали! До чего дошло!

— Не суетись, — не сдавался отец. — Еще ничего не случилось! Страдать полезно.

— Я смотрю, ты много страдаешь! Даже за единственную дочь не переживаешь!

На четвертый день пришла Юлька. Села на кровати, оставилась в окне.

— Пойдем, что ли, прошвырнемся?

Голова болела. Ее так тяжело было оторвать от подушки.

— Шопингнем по мелочи, — менее уверенно предложила Мазурова.

Хотелось смотреть на подругу, но взгляд невольно ускользал в сторону, упирался в пол, в выщерблинку на ламинате.

— Да ладно, забей. Вон там Колесников по тебе страдает. Как увидел твоего Купидона перед каникулами, так и затосковал.

Воздух кончился. Маша заворочалась, тяжело засопела.

— Ну, чего он? Совсем не звонит?

— Звонит.

Олег звонил. По несколько раз в день. Все пытался объяснить. Рассказывал про себя, про Алису. Говорил, что очень хочет увидеться. Маша клала мобильный рядом с собой. Голос Олега звучал тоненько, на одной ноте. Музыка голоса звучала, звучала, пока не прерывалась писком — разговор окончен.

Маша опять стала ходить в школу. Движение позволяли дышать. Но учебники устроили бунт и захлопнули перед ней страницы понимания. Она смотрела на формулы, читала правила, и ей все казалось, что это какой-то чужой язык, незнакомый. Что его все знают, кроме нее.

— Ну, подумаешь, парень обманул, — тянула Юлька в столовой. — Они, вон, все вруны. Сашка обещал со мной в кино сходить, а сам забыл, в игрушку заигрался. Максимов — козел.

— Сама такая! — Тут же повернулся от соседнего стола Сашка. Сказал он это лениво, засовывая в рот кусок булки.

— Видела? — словно обрадовалась такой реакции Юлька. — А тоже твердил, что любит. Лез целоваться. Я же говорю — они все такие!

— Какие? — Сашка жевал булку и нагло ухмылялся.

— Тупые, — бросила ему Юлька.

— Он сказал, что все еще любит меня, — шептала Маша, утопая в стакане с чаем.

Ее заклинило на нескольких вопросах, которые она раз за разом задавала то Юльке, то маме, то папе. Зачем он так поступил? Он плохой? Почему он врал? Зачем звонит? Он же сказал, что любит! Что теперь делать?

На последнем вопросе ее, как пластинку, заедало окончательно. Она могла гонять его в голове, ронять на случайного слушателя, и все равно не знать ответа.

— Понимаешь, он мой! Только мой! — жарко шептала она Юльке после уроков.

— Конечно, твой! — Юлька листала журнал, на каждую страницу кивая головой. — И еще той, второй.

— Он сам говорил, что свободен. Так почему же он не уходит?

— А куда он пойдет? К тебе в квартиру, что ли?

— Если любит! Неужели так сложно сказать той — все?

— Наверное, сложно.

— А если сложно, зачем он сейчас звонит?

— Любит. — Журнал закончился. Юлька взяла другой.

— Но если любит, почему он с той?

— Деваться некуда. — Юлька теряла терпение.

— Как это некуда? Сам говорил, что он свободен. Мы все свободны в своих желаниях, в своих поступках. Нас никто и ничем не может ограничить.

Это был замкнутый круг, из которого не получалось выпрыгнуть. Вопросы кружились, и как в дурном лото все время выпадали одни и те же числа.

«Ты как маленькая, игрушек много, но тебе нужна именно та, что у другой девочки», — писала Юлька в чате.

«Олег Хабаров, — выводила она в тетрадках. — Хабаров Олег». А вокруг стрелочки и спирали. Спирали и стрелочки.

Страшно хотелось видеть Олега. Ночами она жаловалась его призраку, что постоянно болит голова, что устала, что не может одна. И вот однажды, когда ночь готова была уже взорвать Машу, она отправила Олегу смс: «Скучаю». В испуге выключила телефон. Долго гладила его, клала под подушку. Утром не сразу вспомнила, что ждет ответа. И он тут же прилетел, стоило сотовому найти связь.

«Я тоже. Позволь мне увидеть тебя».

Знакомо забилося сердце. Да, да, конечно!

— Не смей с ним встречаться, — отрезала Юлька. — Расставаться надо раз и навсегда.

— Но мне без него плохо.

— Зато ему без тебя хорошо.

— С чего ты взяла?

— Ты тут две недели слезы льешь, а он со своей по зоопаркам гуляет.

— А если он ее бросил?

— С чего вдруг?

Юлька становилась противной и въедливой. Она словно специально все говорила и делала назло.

— Ты откуда знаешь? — бесилась Маша.

Как только они договорились с Олегом о встрече, апатию со Степановой как рукой сняло. Она знала только одно — ни о чем нельзя говорить родителям. Ни в коем случае. Помешают. Запретят. Запрут дома.

— Никуда он от нее не денется. Думаешь, весело жить и знать, что человек из-за тебя покончил с собой?

— Это все лажа, — наполнялась злобой и решимостью Маша. — Он просто боится сказать. И никакая это не любовь, а всего-навсего привычка. Ты посмотри на народ! Каждая девчонка кичится, что у нее есть парень. А если его нет? Она неполноценная, что ли?

— Конечно, неполноценная, — не особенно вдаваясь в вопрос, а тем более в свой ответ, буркнула Юлька. На автомате. Для нее все было очевидно.

— А вот и нет! — обрадовалась Маша. — Просто так принято. В пятнадцать уже надо иметь парня. Кому надо?

— Это ты сейчас о ком? — тихо переспросила Юля. Смотрела она исподлобья. Нехорошо смотрела. И дышала тяжело. Но Машу было не остановить.

— Почему мы кричим, что свободны, но при этом легко соглашаемся делать так, как все?

— Я спрашиваю — о ком ты?

— Да посмотри на себя! — скоростным поездом неслась вперед Маша. — Сдался тебе Максимов? Все знают, что он стукнут своими игрушками на всю голову. Но ты же настойчиво лезла к нему, потому что тебе нужен был парень. Чтобы было про кого сказать «мой».

— Это все? — Юля отложила журнал.

— Надо быть совсем, совсем свободным от всего! От устоявшихся норм, от чужих слов. Надо делать то, что хочется. А я хочу видеть Олега. И он хочет меня видеть. И нам ничего не мешает это сделать. Ничего.

— Иди отсюда!

Маша была в такой эйфории от сказанного, что и не подумала обижаться.

— Ты сама скоро поймешь, что я права.

— Убирайся! И больше ко мне не подходи!

— Это все привычка! — говорила Маша уже в коридоре. — Люди живут и действуют по привычке, потому что так удобно, потому что так делают все. Олег прав. Никто никому не принадлежит. Каждый волен в своих поступках. Понимаешь?

— Сволочь ты, Степанова, — выдохнула Юлька. — И дура. Как на каток сходилa, так совсем свои мозги заморозила.

Маша снова не обиделась. Окрыленная своей идеей, она бежала по улице, чувствуя, что мир вокруг прекрасен, что она как истинный Демиург, в силах повелевать мирами, вершить судьбы вселенных. Все, и правда, зависело от нее. И что она плакала? Олег давно сделал выбор — он хочет быть с ней. И если ему не хватает сил все рассказать Алисе, Маша сама это сделает. Приедет к нему в город, разыщет ее и все объяснит. Алиса не имеет права держать Олега, если его счастье с Машей. Если он сам хочет быть с ней.

Они встретились на бульваре. Несколько секунд Маша испуганно смотрела на Олега, все пытаясь заметить страшные изменения. Но он был все такой же. Робкая улыбка, добрые глаза, челка падает на лоб. Знакомая куртка, знакомая спортивная сумка через плечо.

— Клево выглядишь! — знакомо вскинул он руку.

И она бросилась к нему, обняла, ткнулась лбом в грудь. Снова почувствовала, какой он сильный, какие у него крепкие руки, как он невероятно целуется.

— Я так рад, что ты все поняла, — шептал он.

А Маша жмурилась и все твердила и твердила про себя: «Мой. Только мой. Никому не отдам».

В тот день они много обнимались и целовались. Маша плавилась в сильных руках Олега. Она не понимала, что происходит. Почему внутри у нее так жарко. Почему кружится голова. Что за бабочки поселились у нее под кожей.

Уговорила проводить Олега на вокзал. Олег согласился.

— Но только на метро. Что тебе делать на грязном вокзале?

И снова звонил телефон, приходили смс-ки. По переносице била горечь обиды. Крепилась. Ничего. Скоро все будет по-другому.

Всю дорогу в метро Маша выспрашивала у Олега его институтское расписание, устает ли он мотаться на электричках, на какой обычно ездит.

Напоследок Олег ее снова поцеловал. Маша с трудом сдерживала улыбку. Победа! Ее впереди ждала победа.

Он прощально махнул рукой и пошел к эскалатору. Маша пропустила мимо себя толпу и пристроилась в хвост. Бегущие ступеньки вывели ее на широкую площадку. Черная куртка, спортивная сумка — вместе со всеми Олег прошел турникет и повернул к лестнице налево. «Уважаемые пассажиры! Электричка до станции Петушки отправляется из шестого тупика»

Толкотня, непривычные запахи и звуки — все это заставляло Машу идти быстрее, неминуемо сокращая расстояние до Олега.

Прежде чем повернуть на лестницу к платформе, Олег обернулся. Наверное, Маша слишком пристально смотрела ему в спину, он почувствовал взгляд. Степанова шархнула, сбילה с ног старушку, чуть не рухнула в объятия неопрятного мужчины.

Отбившись от неправильно понявшего ее бомжа, Маша на цыпочках пробежала по ступенькам. Электричка уже стояла. На секунду Степанова испугалась, что Олег сел и ей теперь придется искать его по вагонам. Но нет — черная куртка, спортивная сумка — он шел к голове состава. Обернулся. Маша упала в распахнутые двери, замерла в тамбуре. Все так же на цыпочках прошла один вагон, второй. Присела на краешек скамьи, готовая в любую секунду сорваться и убежать. Когда поезд тронулся, у нее все внутри оборвалось. Пути назад не было, все было предрешиено. Даже пришедшие контролеры не напугали.

— Я не успела купить билет, — пискнула Маша. И вид у нее был, наверное, такой испуганный, что ей ничего не стали говорить. Выбили чек, взяли деньги.

От волнения чуть не проехала нужную станцию. До последнего, пока не зашипели двери, выглядывала, выискивая нужную пару.

Олег вышел, и к нему огромными скачками понеслась большая собака. Овчарка, черная и лохматая. Маша чуть не вскрикнула — успела представить страшное — как псина бросается на Олега, как валит его, как кусает.

Но ничего этого не произошло. Собака добежала до Олега и, подчиняясь приказу, закрутилась рядом, заскулила, приседая около его ног. Олег подхватил поводок.

Маша перевела дух, забывшись, сделала несколько шагов вперед.

К Олегу подошла девушка. Высокая, черноволосая, в черной шапочке, с тяжелым черным макияжем, в черной куртке и штанах, в черных армейских ботинках. Полная противоположность Маше. И вновь заскакали мысли — девушка ошиблась, или подошла спросить время, или увидела старого знакомого, или... Но все это было не то. Потому что к Олегу подошла Алиса.

Олег не стал ни обниматься, ни целовать подругу. Он потрепал девушку по плечу, перехватил удобней поводок. И они пошли с платформы.

За спиной схлопнулись двери. Маша вздрогнула, только сейчас приходя в себя от удивления.

Это была Алиса! Она только что увидела свою соперницу, с которой провела столько бессонных ночей! Из-за которой столько страдала! Вот эта невзрачная страшная готесса и была той причиной, почему Олег не мог быть целиком и полностью ее?

Маша откашлялась. Вопросов не было. Она сметет эту Алису одним взмахом ресниц. Готессы рядом с Олегом больше не будет.

Проводив пару с собакой до дома и запомнив адрес, Маша поехала домой. Она чувствовала себя леди Винтер, просчитывающей очередную интригу против мушкетеров. Но только голова в этот раз останется у нее на плечах. Потому что она победит. Без вариантов.

Глава четвертая

СОБАКА ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Кажется, быть декабрь. Пошел снег. Всего этого Маша не замечала. Просыпаясь утром, чувствовала неудобство, словно у нее было срочное дело, которое она должна выполнить. Или очень важный урок. Или ответственная встреча.

Встреча. Да! Она хочет встретиться с Алисой. Она хочет ей все рассказать. Это так просто. Это решит множество проблем.

Все свободны — так говорит Олег, значит, все могут поступать, как хотят. А она хочет, чтобы Олег был только ее. Все правильно. Все логично. И ничего с этой Алисой не случится. Если подобрать верные слова, то никто не побежит к пруду, с криком «ура!» не бросится под поезд.

Повторяла себе это каждый день. Как мантру. Как утреннюю молитву. Убеждала сама себя, что за любимого надо бороться, что под лежащий камень вода не течет. Но все равно что-то смущало, все равно видела в этих хороших правильных словах подвох. Как будто квадрат гипотенузы вдруг перестал быть равен сумме квадратов катетов.

Хотелось с кем-нибудь об этом поговорить. Но Юлька все еще дулась, отсела от нее, стала демонстративно ходить вместе с Ваней, и он перестал бросать в Машину сторону смущенные взгляды. Мама и отец с дочерью не спорили, стоило ей что-то сказать, тут же со всем соглашались. Лишь бы она опять не устроила истерики, лишь бы не повторились страшные две недели, когда Маша вдруг превратилась в рыдающее существо. Решаться на разговор с Алисой нужно было как можно скорее, потому что время шло, валил снег, Олег становился все задумчивей.

И вот в очередное мучительное утро Маша поняла, что никому ничего говорить не надо. То, что ее так изводило, то, чего она боялась — подойти к ожидающей на платформе Алисе, посмотреть ей в глаза и сказать — все это можно решить по-другому. Не надо будет стоять и выслушивать ответ. Достаточно написать и передать письмо. Приехать за час до той электрички, которую приходит встречать Алиса, сунуть в руку записку и уйти. И даже не уйти, а дожидаться Олега и наконец увидеть его счастливое лицо.

Письмо составлялось сложно. Хотелось подобрать самые простые и доходчивые слова, чтобы не оставалось лазейки, чтобы все сразу было понятно.

«Алиса!»

Этим именем Маша исписала с десяток страниц, больше, чем в свое время она заполнила словом «Олег».

Страдать из-за любви полезно, со страданиями взрослеешь — так сказал папа. Если полезно Маше, значит, полезно и Алисе. В то, что соперница кинется под поезд или побежит топиться в луже, Маша не верила.

Пришлось остановиться на двадцать пятом варианте записки, потому что выдумывать что-то еще сил не было. Эх, Юлька, Юлька, вот когда ты была так нужна! Мазурова всегда хорошо писала. Она-то быстренько придумала бы подходящий текст. Справившись сама, Маша немного гордилась собой. Какая она — умница.

Безликий конверт. По диагонали печатными буквами вывела «АЛИСА». Билет на электричку туда и обратно. Перед этим со звонилась с Олегом, узнала, когда собирается домой. Хорошо, что так хорошо работает железнодорожный транспорт, электрички в нужную сторону — каждый час.

Снег на платформе нестерпимо резал глаза, но Маша упорно смотрела на него, а он все падал и падал, заполняя собой весь мир. Алиса не шла. Так и тянуло позвонить Олегу, уточнить время, когда он придет, когда явятся его встречать. Но могут возникнуть вопросы. А они ей были ни к чему. Малейшее сомнение, и Маша впрыгивает в первую же электричку и уезжает домой. Поэтому надо держаться выбранного решения, твердо стоять на своем.

Алиса появилась на платформе черным пятном. Собака бежала впереди, тяжело выбрасывая из снега лапы. Маша силой заставила себя сдвинуться с места и пойти навстречу. Письмо сжала в кулаке, рука в кармане. О том, что собака как-то странно на нее смотрит, поняла не сразу. Овчарка наострила уши, замерла, пружиняще подобрала задние лапы.

— Ну, чего ты? — хрипло спросила Алиса пса. Потянула за поводок. — Рядом!

Зверь коротко рыкнул. Маша остановилась. Но собака уже мчалась на нее. Три широких прыжка. Тяжелые лапы ткнулись в грудь. Кожаная куртка легко порвалась. Треск ткани — последнее, что услышала Маша. Снег оказался никаким не мягким, а очень жестким. Она упала, ударившись затылком. Взметнувшийся капюшон смягчил удар.

— Флор! — Голос у Алисы резкий и равнодушный. — Назад! Нельзя!

Маша лежала на земле, пытаясь понять, что произошло, почему вокруг снег, почему ей холодно. Но потом стало больно, и остальные вопросы пропали.

— Ты жива?

— Нога!

Эта мохнатая тушка здорово расцарапала ей бедро, даже джинсы ухитрилась располосовать.

— Флор! Морда противная! Убью!

Овчарка не лаяла. Она с хрипом топталась на месте, не в силах послушаться приказа. Хотела броситься. Очень. Но держалась.

— Убери ее! — закрывалась от зверя Маша. От овчарки исходила опасность. Пес не верил ей. Он готов был ее убить.

— Где он тебя?

У Алисы светлые глаза и прыщик на лбу.

— Чего он? — От испуга хотелось то ли плакать, то ли смеяться, Маша еще не поняла. Она отворачивалась от склонившегося лица и упиралась взглядом в темную морду. Флор поскуливал, опускал голову, топорщил уши, показывал крепкие желтоватые зубы.

— Место, Флор! — рявкнула Алиса. — Сидеть!

Собака плюхнулась на зад, метнула хвостом вокруг себя снег.

— Наверное, решил, что ты на меня хочешь напасть. Никогда с ним такого не было. Встать сможешь?

Алиса грубо подхватила под локоть, потянула вверх. Где-то далеко-далеко, за болевой дымкой, вспомнилось, что надо отдать письмо и уходить.

Ногу щипало и дергало. Мир вокруг неприятно покачивался.

— Я тут рядом живу. Пойдем!

Сопротивляться не получалось. Алиса оказалась сильной и решительной.

— Флор, домой!

Собака не торопилась уходить далеко. Подозрительно косилась, поскуливала, принюхивалась.

— Ты не переживай! Он не заразный. И бешенства у него нет. — Добавила тише. — Хотя, если хочешь, можно и в больницу пойти.

— Чего он? — Маша готова была расплакаться.

— Ну, хочешь, я его убью? — Алиса потянула накрученный на кулак поводок. Собака пискнула, притираясь к ноге хозяйки. — Я же говорю, с ним такое впервые. Чего-то почувствовал. У тебя пистолета нет?

— Нет.

А сама посмотрела на свои руки, разжала и снова сжала кулаки.

Что-то было. Письмо! Поискала в кармане. Пусто.

— Ты чего? — Алиса заметила, что Маша остановилась. Было не похоже, что она чувствует себя виноватой, собирается извиняться. Она просто решала появившуюся проблему. — Мы уже пришли.

Маша знала, что они «уже пришли». А вдруг?.. Нет, нет, туда ни в коем случае нельзя!

— Да не стой ты! Вон, кровь идет! Черт! Да где же он?

Маша смотрела, как Алиса нервно жмет на кнопки сотового.

— Нет, ну, ты подумай! — ткнула она трубку Маше в лицо. — Когда я звоню, он не берет трубку! На смс-ки не отвечает. Чего, так тяжело ответить?

— Может, не слышит?

— Кто? Лежий? Все он слышит!

— Иногда телефоны оставляют в сумке или роняют. — И мысленно добавила: «На лед».

— Да что ты мне говоришь! — Алиса пошла вперед одна, забыв, что перед этим тащила Машу. — Балбес он! Сейчас приедет, а меня нет. Будет носиться по платформе, а потом орать, что переволновался. Что искал меня по всем моргам. Ой! Ты-то чего стоишь? Пошли!

Все, что происходило вокруг, было невероятно. И Алиса с ее хриплым голосом, с резкими жестами, с внезапным перескоком с темы на тему.

Около подъезда Флор последний раз спросил хозяйку, не врага ли она ведет к себе домой. Алиса отодвинула собаку ногой, набрала код на домофоне.

— Слушай! — уперлась Маша. — Я домой поеду. Подумаешь, порвалось.

— Да ты на себя посмотри! Чумазая вся! Тебя в ментуру заберут, в больницу отправят.

— Не надо обо мне заботиться!

Флор зарычал. Он с самого начала предупреждал, что добром это не кончится.

— Брось! — Алиса взяла Машу за локоть. — Не дури! Он тебя больше не тронет. А раны — это все фигня! Я сто раз резалась — ничего.

И она чуть задрала рукав куртки. Маша вздрогнула. Запястье было зверски исполосовано шрамами.

— Сейчас умоешься. Обработаешь рану. Тебе надо успокоиться. Я знаю это состояние.

Говорилось это без истерик и эмоций. И Маша подчинилась.

Второй этаж. Хорошо, что не надо далеко идти. Машу начало подзнабливать, словно после этих грубых слов она позволила себе расслабиться.

— Ого! Ты чего это? — Алиса заметила, что ее спутница дрожит. — Дядь Валер! Мы пришли!

В коридоре бесшумно появился невысокий мужчина. У него было слегка оплывшее вниз лицо, короткий вздернутый нос, поднявшиеся домиком удивленные брови, взлохмаченные седые волосы. Совсем не Олег.

— Что это? Что это?

Пси́на благоразумно исчезла в недрах квартиры.

— А вы чего, с утра, Флора не кормили? Он решил прохожими закусить!

Дальше было много суеты, восклицаний и скуления Флора. Его таскали за шерсть, тыкали носом в Машу и приговаривали, что нельзя так поступать. Потом бросали собаку и вели Машу в ванную, где решительная Алиса заставляла раздеться, промыла рану на бедре, облачала в черный халат и уводила к себе в комнату.

— А я не знаю, где Лежий! — по ходу кричала она топчущемуся в коридоре дяде Валере. — Я звонила, он не слышит. Мож, ему новую трубку купить? Или слуховой аппарат?

Машу колотило всерьез. Холод неприятными иголочками пробегал по коже, отзываясь изнутри множеством гадливых мурашек.

— Дядь Валер! А чего она вся горит? Мож, заражение?

— Заражение так быстро не происходит. — Руки у дяди Валеры были мягкие и холодные. Он осматривал царапины, накладывал повязку. — И рана чистая. Это от испуга.

— Я домой пойду, — вставала Маша, искала по карманам обратный билет.

— Какое домой? — не пускала Алиса. — Дядь Валер! Лежий прозвонился, говорит, задерживается. А ее домой надо! Или лучше у нас оставить? Я если что, могу с Флором поспать.

Дядя Валера долго смотрел на Машу. Как-то бесконечно долго.

— Ну, вы тут сидите. Сейчас все решим.

— О! Сейчас все будет! — радостно уселась на табуретку напротив Маши Алиса.

— Почему дядя? — Было слишком много вопросов, чтобы держать их в себе.

— Это отчим моего парня. Я у парня своего живу.

— А собака?

— А Флор мой. Я с ним уже шесть лет. Везде вместе. Слушай, ты очень испугалась? Страх это такое странное состояние, когда ты уже перестаешь быть самим собой.

— Почему?

— Ну, ты обычно понимаешь, что вокруг тебя происходит. Когда хочешь, идешь, когда надо говоришь. А страх он не дает тебе действовать, как обычно. Ты уже не можешь что-то сделать. Круто, да? Я из окна выпрыгнула, чтобы почувствовать, как это, победить страх.

— Зачем?

— Маленькая была, глупая. Ногу сломала. А потом еще несколько раз пробовала идти через страх. Знаешь, круто. Мне нравится. Потом жизнь начинает видиться по-другому. Свободней.

Маша фыркнула. Мурашки пробежали по телу. Голова отделилась и покатила по линолеуму кухни. Глаз упал в чашку с чаем. Алиса все рассказывала и рассказывала. О том, как интересно шагать через черту, как волнительно ходить по краю. Как после всего начинаешь ценить жизнь. И как это Лежий не понимает — что жизнь не размазана по времени, а сконцентрирована в одной точке. И эта точка постоянно вибрирует, норовя исчезнуть.

Голос Алисы шел фоном в уплывающее сознание Маши. Ее сковала странная апатия. Было все равно — что ей говорят, что вокруг происходит.

Пришла в себя она в дороге.

— Слушай! Я твоим звонила, спрашивала у них адрес, — жарко шептала ей в ухо Алиса. — Так что твои в курсе.

Они ехали в машине. На водительском месте округлая спина дяди Валеры. Под колесами хрустел снег.

Над головой знакомо пищали кнопки сотового.

— Слушайте, а давайте ему три телефона купим! — шипела Алиса. — Один-то он точно услышит. Чего не отвечает? О! На смс-

ку отозвался. Поздно будет. Ну и черт с ним! — И без перехода. — Я с твоего звякну твоим, что мы подъезжаем. — Прижалась щекой к Машиному плечу. — Держись! Ты классная девчонка! Ничего, еще потусуемся!

— Где это произошло? — кинулась вперед мама. — Я так и знала! Так и знала! Этот мерзкий мальчишка!

Отец осторожно вел Машу к дому, Алиса решительно топала следом.

— Короче! — с напором говорила она. — Там джинсы порвались и куртка. Я все исправлю и привезу.

— Давай потом, потом, — пыталась выставить ее мама.

Но Алиса все равно обходила ее стороной, склонялась над Машей. И тогда были хорошо видны светлые глаза. Тушь слегка размазалась, добавляя синяков под нижним веком.

— Я забила свой телефон тебе в трубку, а твой — себе. Позвоню. Ну, ты, это, давай!

Алиса порывисто обняла Машу. Потом Степанова долго чувствовала у себя на щеке ее холодное прикосновение.

На следующий день Маше стало лучше.

— Это никуда не годится! — ворчала мама. — Жизнь не оставливается на каком-то там Олеге. Тебе всего пятнадцать лет! Тебе учиться надо! В следующем году институт выбирать, на курсы идти. Люди встречаются, люди расстаются — это нормально. Любые отношения не могут стоять на месте, им надо развиваться. Взрослые люди женятся, когда понимают, что дальше уже быть врозь невозможно. Если не женятся, то просто начинают жить вместе. А у вас с Олегом что могло быть? Ты думаешь, он бы так и ездил к тебе из своей дыры? Жить вместе вы не можете, рано. Значит, вы бы неминуемо расстались. Никто бесконечно не сидит и не смотрит закаты. Никакая любовь это не выдерживает.

Маша слушала и не верила. Это был очередной взрослый обман, попытка заставить ее жить так, как им хочется. Если бы не одно «но», они бы вечно встречались и ходили на каток, гуляли бы по парку. Она бы шла за Олегом, куда угодно, только бы был.

Звонила Алиса. Грозил, что приедет. Кричала, что у нее для подружки масса новостей и сюрпризов.

И только Олег молчал. Слово его никогда не было.

Заражения не случилось. Нервный срыв, давший температуру и слабость. Снова звонила Алиса. Как здорово, что все обошлось! Она Флора до сих пор таскает за уши. Своим напором она сражала наповал. Ничего не оставалось, как подчиниться.

Алиса приехала. Привезла фотографию Флора, стала утверждать, что если Степанова подержит карточку, то они с псом станут лучшими друзьями. В пакете у нее оказались Машины вещи. На джинсах на месте дырки появилась стильная рваная заплатка с красной подложкой. Куртку облепили черные летучие мыши, удачно скрывшие место встречи с зубами пса.

— Клево, да? — кричала Алиса.

— Клево. Ты где-то училась?

— Да я всю жизнь шью. Это отвлекает от грустных мыслей.

И она действительно загрузила. От таких переходов у Маши закружилась голова.

— А чего грустить-то? — Степанова испугалась, что теперь Алиса все знает. Она рассказала Олегу о сумасшедшей, отправившейся на прокорм Флору, рассказала, кто она и откуда. Он все понял. Он признался.

— Иногда мне кажется, что все заканчивается и жить дальше бессмысленно. Становится так страшно, что хочется бежать. Но бежать невозможно. Мир наступает, он хочет уничтожить меня...

— Но ведь сейчас все хорошо?

— Что? — Алиса словно возвращалась из прекрасного далека, взгляд ее был отсутствующий. — Ну да! Все нормально. Слушай, что я придумала! — снова ожила готесса. — Дай мне свою фотографию! Я покажу ее Флору, и все станет нормально. Ты сможешь приезжать ко мне в гости.

— Не надо фотографий!

— Да ладно!

Алиса по-деловому прошлась по ящикам в стенном шкафу, нашла альбом.

— Погоди! Какие гости? Меня и не отпустят.

— О! вот эта клевая! — Алиса вынимала из-под пленки карточки. — И эта ничего.

А потом она последний раз перекинула страницу и замерла.

— О! Лежий! Откуда?

Она просмотрела альбомные листы до конца, вернулась в середину.

— И правда — Лежий! Это же Барангол! Мост через Катунь! Вы были там вместе?

— С кем? — тянула время Маша.

Это как если бьется твоя любимая чашка, как если любимый неожиданно говорит, что больше не любит, как если друг сообщает, что знать тебя не хочет. Всего секунда прошла, а того, что тебе было дорого, нет. Секунда мгновенная, но для тебя это вечность, разделяющая твою жизнь на до и после. Когда в душе гибнет что-то очень важное для тебя. Когда ты умираешь, чтобы стать другой.

— С Лежим! Вот, смотри! Это же он!

Алиса разворачивала к ней альбом, но Маша и так помнила. Здесь он купается в холодном водопаде. А тут сидит на Черемыше. А это он в профиль на фоне неба.

— Мы в «Царской охоте» познакомились.

Это был какой-то кошмар. Степанова уже не хотела причинять Алисе боль. Зачем что-то говорить этой взбалмошной девчонке? Зачем вклиниваться в эту притертую жизнь? Машина дурацкая идея с письмом Алисе именно что и была дурацкой.

— Ну да! Это турбаза, — соглашалась Алиса. — Мы оттуда ушли на Укок. А он про тебя и не рассказывал. Говорил, что скучает, ничего не делает.

— Мы и не делали ничего. Просто вместе время проводили. — Маша отвернулась.

— А я тебя не помню. — Алиса колебалась. Все было слишком неожиданно, чтобы так просто объяснялось.

— Мы уехали до вашего возвращения.

— Но Лежий не говорил, что с кем-то был. — Алиса потянулась к телефону

— Наверное, и правда, скучал.

Почему немеют губы? Почему она не может говорить? Потому что Алиса оказалась не такой плохой девчонкой? Потому что теперь и Маша понимает, что Алиса может совершить глупость — выпрыгнуть из окна, броситься под поезд, резануть себя по венам?

— Он здесь хорошо получился, — прошептала Алиса, мгновенно теряя боевой задор.

Они смотрели друг на друга.

Одно слово — и Алиса уйдет. Навсегда уйдет. И из жизни Маши, и из жизни Олега. Пульсирующая точка жизни, которая норовит вот-вот исчезнуть. Это была секунда смерти. Но не как у всех, смерти окончательной и бесповоротной, а с мучительным возрождением.

— Я думала, у него девчонка такая крутая, вся в золоте, — первая заговорила Маша. — Он говорил, что очень любит тебя и боится потерять. Так описывал, как будто бы ты королева.

— Вы чего, общаетесь, что ли, ты к нам в город-то приехала? — Догадка лежала на поверхности.

— Я не к нему. Я так... У меня было дело...

— Какое? Может, я человека знаю!

— Я к преподавательнице. — Ложь была неловкой, но именно она почему-то успокоила Алису. Девушка улыбнулась.

— Он тебя любит. — Маше вдруг стало легко говорить. — Все рассказывал, что боится тебя обидеть.

— Чего, правда, так сказал? Круто! Нет, правда? Да? — Щелчок, и Алиса, как лампочка, стала светиться ярче. Да, с таким переключением скоростей не соскучишься.

— Правда. — Маша потупилась. Вранье еще не стало для нее привычным.

— Нет, ну, клево! Я расскажу, он не поверит.

— Ага, клево, — согласилась Маша. — И знаешь, забирай все эти фотографии. Сама говоришь, он здесь хорошо получился. Заодно покажешь их Флору, пускай учится дружить!

Маша сама стала выдергивать фотки из-под пленки. Все, что напечатала. Все, что с такой любовью хранила и пересматривала. Ей больше не нужно.

Алиса порывисто обняла ее, прижала к себе. Сильно. Надолго задержав.

— Странно, что все так получилось, — прошептала она Маше в ухо. Вечером позвонил Олег.

— Здорóво!

И замолчал. Но тишина в трубке была не обычной тишиной. Она была наполнена звуками, словами, образами.

— Сначала я хотел позвонить тебе и сказать... — Он запнулся, не давая себе сорваться. — Я нашел на платформе твое письмо.

Маша ухмыльнулась. Это уже было даже не смешно.

— А потом мне Алиса рассказала про собаку и про укушенную девушку. И что ее зовут Маша.

— Ты мерзавец!

— Как ты себя чувствуешь?

— Не звони мне больше!

— Алиса привезла фотографии. Она уверена, что это случайность. Спасибо!

— Я не хочу тебя знать!

Решение было спокойное и взвешенное. Маша чувствовала, что это правильно. Что только так и надо было поступить.

— Ну, как ты? — На край кровати присел отец.

— Папа! — Маша смотрела в сторону. — А если бы кто-то пришел и сказал тебе, что мама тебе не верна. Что бы ты сделал?

— Я бы убил того человека, кто это сказал бы.

— Почему?

— Потому что никто не имеет права вторгаться в нашу с твоей мамой жизнь. Потому что это жизнь. И все, кто пытаются нашу жизнь убить, называются убийцами.

— Я бы тоже так поступила. — Взгляд скользил по узору на обоях.

— Что-нибудь случилось?

— Теперь уже нет.

Утром Маша подошла к Мазуровой.

— Юлька! Прости меня. Все, что я говорила, было чушью. Слово я была больна, а теперь выздоровела.

Ваня смотрел на нее, открыв рот.

— Главное, чтобы это было не заразно, — улыбнулась Юлька. — Значит, больше никаких разговоров о...

— Никаких. Ни о чем.

— Чего, поссорились, что ли? — встрял в разговор Колесников.

— Расстались.

И ее окаменевшее сердце не дрогнуло. Впрочем, это слишком патетично. На самом деле Маша просто улыбалась, не думая о том, что там происходит с ее сердцем.

— Тогда пошли на дискач, — запрыгала на месте Юлька. — Там шумно, и даже если ты будешь трепаться, я все равно не услышу. Колесников, ты не против?

— Я — рад.

И они пошли на дискотеку. Втроем. Идея изначально была убитая. Потому что — как ты ни танцуй, все равно выйдет, что они пара, а ты одна. Даже если честно каждый раз держаться круга. Даже если на площадке вдруг появляется твой одноклассник Борисов и присоединяется к вам. Для него что медленный, что быстрый танец — он танцует сам для себя, ведь в его жилах вместо крови движение.

— Пойдем!

Ваня появился из мигающей пустоты, взял за руку.

— Ты чего?

— Медляк. Пошли.

— А Юлька?

В этой фосфоресцирующей темноте ярко выделялось все, что было белым. А Юлька вся была в белом. Да еще улыбалась. Зубы у нее по-вампирски отдавали фиолетовым.

Сама послала. Радуетя.

И они пошли. Ладонь Вани была влажной. Пальцы застыли железными прутьями и не гнулись. Молчали. Борисов по центру зала выделялся в гордом одиночестве.

— Ну вот, — подошла к ним Юлька в конце песни. — Все хорошо.

Глава пятая

ПУСТЬ ВСЕ БУДЕТ ТАК, КАК ТЫ ЗАХОЧЕШЬ

И наступил Новый год. В этот раз он подкрался неожиданно. Было много забот — приходилось все начинать заново: жить, учиться, смотреть на мир. Даже говорить. Поначалу казалось: каждый, кто к Маше обращается, хочет обидеть или обмануть. И обязательно спросить про Олега. Еще бы! Она ведь так много о нем раньше говорила. И вдруг замолчала. Его все видели. И вот — он пропал.

Перед уроками, пока не было Юльки, Колесников сел рядом за парту и стал нести какую-то ахинею про погоду, снег, мороз и каток.

— Я не катаюсь на коньках, — нехотя отозвалась Маша.

— О чем вы? — незаметно подошедшая Юлька улыбалась. Она последнее время постоянно улыбалась.

— Колесников на каток зовет. — Маша взяла вещи и пересела на одну парту назад, уступая место Мазуровой.

— Ну, так пойдем! — тут же согласилась Юлька.

И они пошли. Вечером Юлька хвасталась фотографиями — фигуристы из них с Ваней получились еще те.

«Пришли уроки, — сыпал просьбами Колесников. — Подскажи, как решить».

Он еще пару раз подсаживался к ней, когда Юлька носилась где-то по своим неотложным делам.

— Как будешь встречать Новый год? — спрашивал, а сам на нее не смотрел. В сторону. На дверь. Ждал, когда появится Мазурова?

— С родителями.

— А к Юльке придешь?

— Ну да, после двенадцати. Папа обещал проводить.

— Хочешь, я за тобой зайду?

Он, и правда, зашел. Но папа одних не отпустил, пошел «прогуляться за компанию». Колесников хмельно улыбался, хватал Машу за руку, шагал, сильно дергая Степанову за собой.

— Машка! — кричал он. — А ведь я люблю тебя!

— С Новым Годом! С Новым Годом! — поддакивал сзади отец, успевший выпить коньяка еще в прошлом году.

«Дурак!» — мысленно вздыхала Маша. Когда же эти праздники закончатся? Почему-то она их боялась.

Праздники. Их надо было как-то пережить.

Но то, что казалось таким длинным, стремительно понеслось вперед. Юлька сияла.словно наверстывая недовстречи, она постоянно звала куда-то идти, что-то делать. Цепко держала Ваню за локоть.

— Колесников, — требовала она, — купи нам с Машкой мороженого.

И Ваня покорно шел. Первый стаканчик отдавал Степановой, второй Мазуровой. В кино садился между ними. Низко склонялся, когда что-нибудь говорил Маше.

— Я сегодня никуда не пойду, — прошептала Маша в трубку.

— Почему? — фейерверком эмоций взорвалась Юлька.

Потому что сегодня на пороге появился Олег. Без предупреждения. Просто позвонил в квартиру. Мама еще была дома.

Звонок. Маша распахнула дверь, не спрашивая и не смотря в глазок. Взгляд как выстрел. Перехватило дыхание. И сердце заколотилось.

— Привет! — робко улыбнулся Олег.

Столько всего произошло, а он был все такой же. Высокий. Челка падает на лоб. Мягкая улыбка. И эти движения. И этот поворот головы.

— Мама! — заорала Маша, убегая в свою комнату.

— Олег! Зачем вы пришли? — Голос у мамы дрожит. Она раздражена.

— Извините, но мне надо Маше сказать всего несколько слов.

— Не нужны ей ваши слова! Все, что могли, вы ей сказали.

— Но вы-то должны меня понять. Я в безвыходном положении. Я люб...

Маша затыкает уши. Шепот ядом проникает в мозг, сжигает тонкие переборки, стирает память. В какую-то секунду хочет выскочить в коридор, повиснуть на шее, вдохнуть знакомый запах. Маша выпрямляется, все вспоминая. Ничего ей не хочется. Это эхо давно забытых событий.

— Олег! Вы понимаете, что вы делаете? Они в этом возрасте идеалисты! Не лезьте к ней со своей ложью.

— Это правда!

— Это для вас правда! Вы придумали себе массу оправданий, поэтому и видите в этом правду. А для нее это ложь. Самый настоящий обман. Все так и есть, если смотреть на это без ваших мнений и фантазий.

— Какие уж тут фантазии! — вздыхает со всхлипом Олег.

Ушел. Слава Богу! Маша закрывает глаза. Как это, оказывается, тяжело. Хорошо, что дома мама. Хорошо, что Маше пятнадцать, и есть за кого прятаться. Хорошо, что пока есть выбор. Больше она никогда не будет влюбляться. НИ-КОГ-ДА. Хватит.

Поэтому она и отказалась идти с Юлькой. Вокруг подруги витает любовь. Маше теперь все это было неприятно.

Но Мазурова не отстала. Прислала Ваню. Колесников застыл в коридоре в позе Наполеона — руки скрестил на груди, правая нога чуть согнута в колене.

— Слушай, и чего ты все время выполняешь Юлькины приказы? — Степанова изображала из себя радушную хозяйку — наливала чай, резала торт.

Ваня краснел и отводил глаза. Боится, что она станет припоминать ему глупые крики в первый час нового года?

Маша прислушивалась к себе. Нет, ее не волнует появление Олега. Больше не волнует. Она никогда-никогда не станет попадать в такие ситуации. Двусмысленностей в ее жизни хватило.

Вышли на улицу. Около школы столкнулись с Шульгиным.

— Зима, а все влюбляются, — неожиданно прокомментировал он появление одноклассников. — Как будто бы весны подождать не можете.

— Дурак ты, — отозвалась Маша.

Гриша обиделся. Это было видно по отражению в стеклах его очков, по тому, как он поджал губы. По его тяжелой походке.

Январь стелил белоснежные ковры и сам же их торопливо менял. Жизнь застыла в сумраке ожидания. Словно в сотый раз перечитываешь «Ромео и Джульетту», наивно надеясь на то, что от этого бесконечного перелистывания страниц изменится сюжет, что Ромео опоздает, что он придет к пробуждению возлюбленной. Январь давал надежду, что когда-нибудь ночь закончится, что наступит утро, что совсем скоро будет много-много солнца. Но все равно боязнь того, что сработает «плохой» сценарий, рождала тревогу. Кто его знает, этого Шекспира, а вдруг он решит написать очередную трагедию? И весна уже не придет никогда.

Юлька на уроках снова рядом со Степановой. Колесников с Максимовым за ними. Романтика.

— Я сяду? — как-то утром спросил Ваня.

— А Юлька?

— Она заболела.

Максимова тоже не было. Вроде бы перемещение Колесникова логично. Глаза ей на происходящее открыл Шульгин. Подошел в столовой, посопел, посверкал линзами очков.

— Гуляешь? — многозначительно спросил он.

— Обедаю, — не поняла его Маша.

— Мазурова скоро выйдет?

— Не знаю. — Вопросы были странные.

Из толпы вывинтился Колесников с подносом.

— Гуляешь? — забыв, что ему только что на этот вопрос ответили, спросил Шульгин.

— Макароны ем, — грубо отозвался Ваня. На обед была котлета с картошкой.

— Вот я и смотрю, что макароны.

Гриша стащил кусок хлеба и тяжелой походкой отправился прочь.

— Дурак. — В Маше поднимало глухое раздражение.

— Да нет, — вздохнул Колесников. — Слишком умный.

— Это ты о чем? — насторожилась Маша.

— Может, сходим куда-нибудь?

— Да я вроде уже нормально себя чувствую, — осторожно произнесла Маша, думая, что Юлька все еще посылает Ваню ухаживать за ней. Ведь и про любовь он три недели назад кричал потому же — Мазурова попросила не расстраивать подругу.

— При чем здесь это? — проворчал Колесников. — Просто я сегодня свободен.

Зазвенели, затрзвонили колокольчики тревоги. Что-то было не так.

— Не, нам сочинение задали. Надо писать.

Но о «Зимнем утре» не думалось. Все было слишком странным. Хорошо, что перестала напоминать о себе Алиса, предупредив, что в феврале у нее депрессия. А февраль вот-вот наступит.

— Четверг, — настаивал на следующее утро Ваня. — Новое кино показывают. Пойдем?

В кино хотелось.

— А как же Юлька?

— У нее ангина. На улицу никак.

Маша знала, что у Мазуровой ангина — подруга всегда заболела в конце зимы, это у нее был такой ритуал. Без солнца чахла.

В четверг выбраться в кино решил чуть ли не весь класс. Около развлекательного центра встретили Шульгина. Он выплыл из компании Скрипочки, Богдасарова и еще кого-то из своих.

— Гуляете? — В нем дремал великий следователь. Очки посверкивали таинственно.

— Макароны едим. — Ваня встал боком, словно загораживал Машу от одноклассника.

— Подруга с температурой, а ты с ее парнем? — некрасиво ухмыльнулся Гриша. Нет, не станет он следователем, будет писателем. Таким, из малоизвестных.

— Ты чего, дурак? — Маша заметила, что реагирует на одноклассника одинаково.

А потом сидела в темном зале и думала, что он имел в виду.

— Слушай, ты когда болеть кончишь? — Маша устроилась на своем любимом месте — на подоконнике. Был он в Юлькиной комнате большой. Не какой-нибудь хлипкий пластик, а прочное дерево.

— Когда солнце выйдет, — тяжело, через силу произнесла Юлька. Болезнь в этот раз ее серьезно прихватила.

— А Ваня к тебе заходит?

— Бывает. — Юлька закашлялась, прикрывшись журналом. — Что у вас нового?

— Шульгин роман пишет. Говорит, будет похлеще «Войны и мира».

— С вами не помрешь! — морщилась Юлька — у нее все болело. — Только расслабишься, а тут такие события происходят.

Маша спустила ноги с подоконника. Вообще она пришла жаловаться на Колесникова. Где-то к середине фильма она поняла намеки Гриши, причину его таинственного посверкивания очками. Да и Ваня вдруг взял ее за руку. Это было неприятно. Пускай когда-то она ему нравилась. Но сейчас он с Юлькой. И точка.

— Чего молчишь? — Юлька вынырнула из-под журнала. Была она бледная, с запавшими глазами, с потрескавшимися губами. Бедная Мазурова!

— Погода на улице хорошая, — прошептала Маша. — Тебе бы на улицу. Сразу поправишься.

Маша давно подозревала в себе северного мишку — любила морозы. Вот и сейчас деревья трещали от стужи, скрипел под угами снег, куртка задубела и похрустывала от движений, воздух застыл, казалось, его можно брать руками. Низкое солнце било по глазам, вытягивало тусклые тени из деревьев и домов. А еще было лазурное небо. Оно казалось до того промытым и бездонным, словно специально кем-то нарисованным.

— Вы чего, с ума тут все походили? — возмущался подмерзший Ваня. — Она же помрет!

Закутанная в шубу Юлька помирать не собиралась. Наоборот, раскраснелась, изо рта у нее вырывался банный парок.

Выгуляв подругу, они с Колесниковым вдвоем шли от Юлькиного дома. Ваня все еще ворчал, что Маша зря вытащила Мазурову на мороз.

— А тебе-то что? — разозлилась Маша.

— В каком смысле?

— Что ты за мной таскаешься?

Ваня молчал. Стоял на месте, переминался от холода в своих кроссовках. И молчал. Смотрел в сторону.

— Ты же с Юлькой!

— Ты была занята, — прошептал еле слышно.

— А теперь свободна? Нашел кассу!

Зашагала вперед. Это надо второй раз попасть в такой же бред! Словно все мальчишки сговорились.

— Да нет... Я не то.. — мямлил Ваня, догоняя. — Понимаешь!

— Понимаю! Поэтому не подходи ко мне!

— Степанова! — Он устал догонять и схватил за руку. — Ты — дура!

— Отлично! — Она попыталась вырваться, но он перехватил за локоть.

— Я все равно буду тебя ждать!

Затрезвонил телефон в куртке.

— Я вас вижу! — Это была Юлька.

Маша медленно повернулась к дому Мазуровой, от которого они не успели далеко отойти. Запоздало вспомнила, что окна выходят как раз на эту сторону. Сколько раз она в это окно смотрела. Оттуда хорошо видно, далеко...

— Как себя чувствуешь? — О чем Маша еще могла говорить?

— Отлично! Вы там деретесь?

— Да!

Маша спрятала телефон и пошла прочь. Ваня привидением следовал за ней.

— Убирайся! — твердила она про себя. — Убирайся!

— Опять гуляете?

Первые два раза могли быть случайностью, но третий — это уже слишком. Гриша. Вряд ли ждал. Шел куда-то по делам. Воротник пальто поднят, шарф завязан узлом, торчит под подбородком. Без шапки, и оттого кажется, что волосы у него заледенели — коснешься, сломаются как сосульки.

— Макароны едим, — огрызнулась Маша.

— Отвали! — пошел на него Ваня.

Шульгин засмеялся и побежал по сугробам прочь. Колесников за ним. Скрылись за поворотом. Степанова не стала ждать возвращения победителя.

«Никогда ни в кого не влюблюсь! — вывела Маша категоричное. — Все это для «Дома-2». Глупость».

«Тебе пятнадцать? А, тогда понятно».

Кто это влез? Какой-то парень. Вместо фотки картинка. Или не парень?

«Что тебе понятно?»

«Подростковый негативизм! Это пройдет».

«Да пошел ты!»

Только сейчас разглядела, что вместо письма Юльке, стала писать у себя на стене, на всеобщее обозрение. Тут же набежал народ.

«Я-то пойду. Догоняй!» — отбили жизнерадостный ответ.

«И замуж не выйду», — добавила она, скопировала и отправила Юльке. Пусть порадуется ее решению.

За окном стыл в холодном ожидании февраль.

Ну, раз уж так получилось, можно и поговорить...

«Почему взрослый парень может встречаться с малолеткой?»

«Комплекс Гумберта»

«Что за?..»

«Роман такой есть «Лолита». Набоков написал. Там взрослый дяденька спал с маленькой девочкой».

Чего она раскраснелась, сидя за компом? Камера выключена. Чего она застеснялась?

«Не то. Не спит. И не целуется».

«Больной?»

«Нет».

Сдержалась, чтобы не выйти с сайта. Какой нахал!

«Отыгрывает сценарий. В детстве не нагулялся».

В кресле отъехала к стене. Если Алиса еще в школе Олегу так компостировала мозги, то сейчас вполне возможно, он хочет нормальных школьных отношений, когда просто гуляли, просто стояли в подъезде. Целоваться при этом не обязательно... Вот в чем дело! То-то Олег все твердил, что с Машей не так, как... с Алисой. Там были вечные истерики и требования, а Маша ничего не требовала, она просто восхищалась Олегом. И ему это нравилось. Он возвра-

щался в неотыгранное детство. Отношения у него с Машей и Алисой были разные, вот он и не считал, что кому-то делает плохо.

— Почему так все ужасно? — плакала вечером Маша.

Папа сидел на кровати, смотрел в окно. Синели сумерки, снизу, от земли, их лизала чернота.

— Зима. Темно. Это скоро пройдет. — Папа был рассеян. Словно он не заметил, что его дочь выросла. Как говорить с маленькой, он знал, как с большой — не догадывался. — Вот придет весна, появится солнце, и станет легче.

— А когда она придет, весна эта?

— В конце марта, начале апреля.

Февраль, март, апрель. Долго. Очень долго.

Юлька выздоровела, опять села рядом с Машей. За ними одиноко торчал Максимов. Колесников отсел, и теперь буравил взглядом со своего ряда около стены затылки подруг.

— Почему ты мне раньше не сказала? — шипит Юлька. — Я бы его убила.

— Можешь начинать. — Стрелочки и кружочки. В тетради. Это успокаивает.

— И убью. — Мазурова гнула шею, пытаясь посмотреть на Ваню, но при этом делала вид, что смотрит на доску. — Как только подойдет.

Но он подходил к Маше. Пытался заговорить.

— Он думает, что если расстался с тобой, то может за мной бегать, — возмущенно шептала Маша.

— Все мужики сволочи, — вздыхала Юлька. Она была расстроена. Не успела выздороветь — а тут такие новости. Колесников и не скрывал, что хочет теперь быть с Машей. Класс удивленно обсуждал это событие.

— Что делаете? — сажился напротив них Шульгин и таинственно посверкивал линзами очков.

— Весны ждем, — отзывалась Маша и смотрела в окно. Там было серо. В полудремных сумерках проступали призраки прошлого. То ей казалось, что идет Олег, то она начинала ждать звонка от Алисы, а то мерз в подъезде Ваня.

Март прибавил света, но подпустил холода. Праздник Маша просидела дома. Ждала весну. Почему-то ей казалось, что достаточно увидеть на календаре 31 марта, как ей станет хорошо и спокойно.

Алиса как всегда ворвалась неожиданно. Звонок телефона заставил вздрогнуть.

— Слушай, у тебя есть тысяча? — кричала она в трубку. — А лучше две!

— Зачем?

— Я верну. Мне нужно срочно, а Лежий, гад, не дает.

— Зачем?

— Пои.

— Кого? — Маше показалось, что готесса собирается кого-то чем-то поить.

— Штуки такие! Ты дома? Я сейчас!

И она примчалась. От былой тоски ни следа, глаза горят, черная подводка делает их демоническими.

— Пошли!

Маша посмотрела в окно. Хотелось сдохнуть, а не куда-то идти.

— Уже поздно.

— В самый раз.

— А разуваться тебя не учили? — вышла из кухни мама.

Она недовольно смотрела на Алису, на ее армейские ботинки, на кожаные штаны, на потертый плащ, на черные волосы, кривую ухмылку. Еще чуть-чуть, и Маша услышит знакомое: «С кем ты связалась? Лучше бы уроки делала! Сначала ненормальный Олег, теперь не менее ненормальная готесса».

Это стало решающим. Маша шагнула в прихожую.

— Я скоро!

— Куда? — встала на пути мама.

Действительно! Уже в сапогах Маша вернулась в комнату, взяла шкатулку с деньгами.

— Куда?! — Мама была на грани истерики.

— В кино. — Маша смотрела на Алису. — Вампиров показывают. Надо идти.

Она сунула деньги в карман. Там было около трех тысяч. Должно хватить и на вампиров, и на оборотней.

— Мы куда?

Сеял мелкий снег, делая дорогу скользкой.

— Ты увидишь и поймешь, что это круто! — кричала Алиса, топясь вперед. Ее слова падали к ногам, до Маши долетали только ошметки: «...эжий... ак... файер...»

— Это такие штуки, пои называются, — путано объясняла Алиса в метро. Им мешал говорить шум поезда. — Нам до «Третьяковской»! — Алиса бросалась к карте — в схеме она почти не разобралась.

— Одна пересадка, — оттащила ее в сторону Маша. — Дальше что?

— Шарик. На веревках. Их крутят. Веревки еще так красиво украшают лентами. Если крутить быстро, клево получается.

— Художественная гимнастика? — С лентами ассоциировался только спорт.

— Какая гимнастика! — захлебывалась словами Алиса. — А есть еще такие пои с фитилями — их поджигают. Я Лежему говорю: «Клево!» А он мне стал талдычить, что я спалю дом. Зануда. Я от него уйду.

Мысль не успела сформироваться, только сердце немного кольнуло — он будет свободен. Но Алиса все говорила и говорила, не давая подумать.

— К нам на тусню пацан стал ходить. Он наш, местный. У него были стаффы. Это такая палка, а с двух сторон фитили. Круто! Я Лежему говорю: «Давай купим!» А он жмотится, говорит, что мой Флор и так много жрет. У нас девка одна веер огненный купила. Она его теперь так крутит — закачаешься. Клево, короче. А я туда метнулась, сюда, никто не дает. И сразу про тебя вспомнила. Мы ж теперь с тобой как сестры. Помнишь, как тебя Флор покусал? Ну, вот!

Алиса смотрела так, как будто вдруг доказала теорему Пифагора новым, неожиданным, но весьма убедительным способом.

— Я там с мужиком договорилась, он пои принесет. Ничего особенного, тренировочные. Надо будет потом еще за занятие заплатить. И тренироваться еще постоянно. Ты где будешь тренироваться?

Маша опешила. Как-то неожиданно разговор от Олега и его жадности перескочил на тренировки.

— Дома.

— Дома неудобно, все побьешь. Место нужно. И чтобы без свидетелей. А то будут все лезть — дай попробовать, дай посмотреть!

Все, что говорила Алиса, казалось бредом. Качественным таким, развесистым. Маша смотрела в ее сумасшедшие глаза и верила, что Алиса способна на все.

Они бежали под снегом, влажно переходящим в дождь. Пронесли мимо Третьяковской галереи, пряничным домиком смотрящейся из-под непогоды. Дальше был мост через Водоотводный канал. Перила моста гнулись от навешанных на них замков и замочков. Деревья. Черные кусты. За ними мелькнул свет.

В первую секунду Маша подумала, что кто-то уронил уличный фонарь. С чего вдруг свет будет бить снизу да еще плясать? А потом они обогнули уснувший фонтан. Дальше неожиданностей не было. В душе поселилось убеждение, что так оно и должно быть.

Жжих! — метнулся огненный шар. Чадающий фитиль зашипел под снегом. Высокий худой парень со светлыми волосами, собранными в короткий хвост, повел плечами, шевельнул кистями, словно проверял работу тела. Зашипел, застонал воздух, заворчал возмущенный огонь. Огневая лента потянулась по полукружью, повторяя движения рук. Сначала рисунок шел синхронно вдоль тела. Потом линии стали дробиться, взметнулись над головой парня, прыгнули за спину, вперед, взлетели вверх.

— О! Смотри, Фрай!

Алиса толкнула Машу, и только сейчас Степанова заметила, что стоит с открытым ртом.

— Здорово! — налетела на стоящего в стороне парня Алиса.

— Ну?

У парня оказалась борода и усы щеточкой, темные волосы собраны в хвост. Легкая нейлоновая спортивная куртка.

— Это Маша! — Алиса вывела Степанову вперед.

— Кот, я когда тебе велел приходить? — Парень не проявлял никакой эмоции. Говорил лениво, словно со столбом.

— Я деньги нашла. Ты принес?

Фрай молчал. Долго. Маша уже решила, что он онемел от лени. Но вот он шевельнулся, склоняясь к спортивной сумке около своих ног.

— Чуть не продал, — уронил он свои слова в недра сумки. — Тут желающих полная площадь.

Черный пакет неприятно хрустел. Алиса перехватила сверток, порвала посередине. Это были черные бархатные ленты, с круглыми шариками на конце.

— Клево! — еле слышно прошептала Алиса.

— А тебе что? — спросил Фрай.

Маша не сразу поняла, что обращаются к ней.

— Для начала возьми тренировочные. Я твоей подруге говорил, что не фига выпендриваться. Изотрет, испортит. Начинала бы с обыкновенных шариков, а ей приспичило сразу булавы брать. В общей сложности с вас трешка. За пои и пробное занятие. Понравится, с каждой по десятке за абонемент. Пошли.

Маше всучили шуршащий пакет. Алиса, нанизав петли на пальцы, неловко крутила пои, роняя неповоротливые шары на грязную землю, бежала за Фраем, что-то спрашивая. Тот бросал ей через плечо свои ленивые слова.

А потом они оказались чуть в стороне от фонтана и танцующего огня. На площадке уже стоял народ. Фрай присел на постамент фонтана и стал сквозь зубы цедить правила безопасности, основные положения. Все старательно слушали, вымеряя длину веревки. Маша тоже тянула руку, замечала, дотягиваются ее пои до подмышки или нет. В темноте долго крутили петли вокруг пальцев, гадая, как удобней держать.

— Движения плавные и равномерные, — словно умирая, тянул Фрай. — Сначала наматывайте веревки на ладонь, возьмите шары в руки... Не! Ну, ты куда смотришь-то? Я сказал — в руки!

И все затихали, поглядывая друг на друга, чтобы понять, кто получил нагоняй.

— Руки вперед и работаем только кистями! Одна за одной, одна за одной. Поехали!

А потом они долго стояли на площади, толкались между людьми, смотрели, как выступают научившиеся.

— Трешку гони, — цедил тяжелые слова Фрай. Деньги быстро исчезли в его ловких руках. — И на Китай-Город приходите, в зал. Десятка за четыре месяца безлимитки. Приходи, хоть на каждое занятие. У тебя рука гибкая. А вот тебе, Кот, надо начать с месячных занятий. Не продержишься долго.

Он исчез. Как будто и не стоял минуту назад рядом. Маша с опозданием поняла, что слова про безлимитное посещение занятий относятся к ней.

Темнело. Снег усилился. Огонь шипел. Свистели веревки. Забулькало пиво.

— Я на электричку. Спасибо тебе! Созвонимся! — крикнула напоследок Алиса.

Мост сгорбился и погрузнел от легковесного снега. Третьяковка уснула. Руку оттягивал пакет. Маша осталась одна. Но одиночества больше не было. Она грела шары в ладонях, словно они были живые. Словно они могли отдавать тепло.

Тепло ранней весной — большая ценность.

Дома нанизала петли на пальцы, уронила шарики. Они пружинисто повисли, готовые двигаться, готовые крутиться.

Живые.

От пальцев по веревке вниз прошел электрический ток. Маша и сама не заметила, как повела плечами, крутанула запястьями, разминаясь. А потом перед глазами встал парень с горящими фитилями, огненные полукружья... Девчонки со светящимися палочками в руках... Маша накрутила веревки на ладони, подхватила шары, потренировала движения — плавно, в одном ритме, движения вперед, назад, в перекрестье. Не заметила, как шарики скользнули вниз, разматывая веревку. Как они замерли, ожидая движения. Оставалось всего лишь повторить то, что получалось только что. Натянулась веревка. Раз, два, свистнул воздух. В груди что-то знакомо защемило, затрепыхались под кожей бабочки. Мир поплыл, растворяясь в крутящем моменте. Шаг в сторону. Шарик задел кровать, сбив движение.

— Черт!

Маша выбежала в коридор, примерилась, заранее понимая, что между стенками слишком узкое пространство. На кухне — стол, стулья, посуда. Оставалась родительская комната. Маша ворвалась в нее. Шары выпали из ладоней, чуть подпрыгнули, спрашивая: «Ну? Когда же?» И она не заставила их долго ждать. Шары пошли по кругу вперед, синхронно, заставляя чувствовать их неизбывное желание оторваться и улететь. Шаг, еще, теперь назад.

Кажется, за окном чирикнула птичка. Маша на секунду отвлеклась. Шар потерял равномерность центростремительного направления силы и скакнул в сторону. Дверца шкафа отозвалась недовольным гулом. А следом и веселым звоном.

Точка приложения силы была выбрана более чем удачно. В шкафу обрушилась полка, а вместе с ней коробка с праздничным сервизом.

Сначала Маша хотела выбросить осколки вместе с коробкой, но потом решила, что коробка, хоть и пустая, может лежать на своем месте, создавая видимость порядка.

— Папа! Мне нужно десять тысяч!

Самое сложное в этой просьбе было то, что ничего не хотелось объяснить. Пришлось бы слишком много и долго рассказывать, а Маша и сама кое-чего еще не понимала. А главное — самый страшный вопрос «Зачем?» мог остаться без ответа. Потому что на него можно было ответить только невинным «Затем!». Других объяснений не было. Были чувства. Был восторг каждый раз, когда она вспоминала парня с горящими факелами на цепочках, вспоминала танец огня.

Глава шестая

ТАНЕЦ ОГНЯ

— Зачем? — все-таки спросил папа.

— А я могу тебе потом это сказать? Очень нужно. Для дела.

— Хорошего дела?

— Суперхорошего!

— Мама говорила, что к тебе приходила Алиса.

— Ну и что?

— Она маме не нравится.

— Маме и Олег не нравился.

— Но она же была права.

Так! Началась тотальная слезка. Это глюки, это к весне.

— Дашь?

— Ты мне потом все расскажешь?

— Я тебе покажу!

На следующей день Маша была в тренировочном зале.

Фрай кивнул как старой приятельнице. Мелькнула еще пара неприветливых знакомых по площади лиц. Первые дни в зале было неуютно. Алиса появилась всего один раз, больше ее не было — не достала денег. У Маши тоже с деньгами было не густо. К тренировочным надо было докупать новые пои, утяжелять старые, что-то переделывать. Она заняла денег у Юльки и у Шульгина. Гриша дал, сильно не вдаваясь в подробности. Мазурова сначала долго мучила вопросами.

— Чего у тебя там? — изнывала Юлька. — Новый парень?

Маша перебирала в голове имена и лица. Кого бы назвать «новым», чтобы Мазурова отстала? Фрая — неловко, он такой демо-

нический, еще прочтет мысли — куда она потом денется? Сережку, с которым ее несколько раз поставили в пару — глупо. Он маленький, лохматый и ушастый. После Олега все виделись неказистыми.

— Просто тренируюсь.

— Зачем? — Юлька искала концы, пыталась выведать первооснову.

— Нравится. — Маша шурилась, отрешенно смотрела в окно, а видела темную Болотную площадь, летающие огни, и бабочку у нее под кожей оживали. — Даже не знаю, как сказать. Отвлекает от грустных мыслей.

И улыбнулась, вспомнив про Алису.

Юлька позвонила, когда Маша шла к метро.

— Меня с собой возьми!

В вагоне молчали. Маша сама для себя пыталась ответить на вопрос подружки — и не могла. Почему ее тянет на площадь и в спортзал, почему она не может отвести глаз от пляшущего огня? Как объяснить, что от шариков по веревке к ее руке пробегает ток, когда она начинает жонглировать, когда понимает, что мимолетное движение меняет рисунок танца.

Шел дождь. Площадь была уныла. Фонтан затянут серой моросящей завесой. Памятник терялся в насморочном тумане. Пламя на фитилях шипело.

— Байда какая-то, — куталась Юлька в куртку, ту же затягивала веревочки капюшона. — Чего под дождем-то торчать?

— Дождь огню не помеха, — бормотала Маша, борясь с непослушными шарами.

— В фокусники заделалась? Цирк-шапито?

Какая она сейчас была недовольная.

Слова подружки стекали с мокрой Машиной куртки как морось с гладких мраморных боков фонтана. Ее спокойствие сейчас было не прошибаемо. После вчерашней тренировки побаливали запястья. Это неприятной занозинкой держалось в голове. А в остальном все было хорошо. Это было даже странно — с чего вдруг такая роскошь?

Мимо прошел Фрай. Не поздоровался. Юлька на него внимания не обратила. Ну и правильно. Меньше расспросов, крепче дружба.

— Да... — протянула Юлька. — Как психом была, так психом и осталась. Ладно, попрошу для тебя денег у своих, — согласилась на-

конец она. — Но только при условии, что ты мне больше ничего про *это* не рассказываешь. Вот ведь бредятина! Более скучного вечера у меня в жизни не было. За это завтра пойдешь со мной на дискач.

Сколько же она не была в клубе? Год, наверное. Они стояли в своем уголочке, переминались с ноги на ногу. Маша закрывала глаза, представляя, что вокруг Болотная площадь, что воздух полон звуками летящих пои.

— Классно танцуешь, — прошел за Машиной спиной Борисов.

Степанова усмехнулась. Грядут перемены! Что-то вот-вот должно произойти...

Она пыталась вспомнить минувшую осень, больной декабрь, знобкий январь — и ничего не всплывало. Только холод пробежал по спине.

Холодная неуютная погода загоняла с улицы домой. Здесь тренироваться было уже совсем трудно. Маша разбила у себя в комнате лампу, а у родителей надколола большую напольную вазу. Чтобы не так бросалось в глаза, повернула ее разбитым боком к стене. Но все тайное рано или поздно становится явным.

— Что ты сидишь в темноте? Включи свет!

Мама шла мимо Машиной комнаты и вполне могла продолжить свое поступательное движение и дальше. Но задержалась.

— Ты бы еще с фонариком читала! Лампа твоя где?

— Разбилась?

— Как разбилась?

— Я сумку бросила, она и упала.

На следующий день лампа появилась — мама купила. Маша была сказать спасибо. Сунула в рюкзак новые пои и поехала на тренировку.

Фрай ходил по залу, скинув куртку и футболку — оказался тощим и сутулым, но каким-то собранным, как сведенная пружина. Мышцы покато обозначались на плечах, на животе, на спине.

— Будем работать в спарринге.

Вечером в ванной Маша изучала свои исполосованные руки. Ничего не получалось. Цепочки больно били по предплечьям и запястьям.

Надо больше тренироваться.

Ваза не выдержала и разбилась.

— Папа, дай мне, пожалуйста, еще две тысячи.

Просить тяжело и унизительно. Но деньги были очень-очень нужны. На огненные пои. Маша еще была не уверена в своем жонглировании, но попробовать хотелось. Огонь ей снился по ночам. Ей уже было мало чувствовать силу шариков, она хотела подчинить себе пламя.

— Маша, у тебя все хорошо?

— У меня все замечательно.

— Ты какая-то последнее время возбужденная.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, наверное.

Папа смотрел недоверчиво. Чего он опасается?

— Где ваза? — заволновалась вечером мама.

— Разбилась.

— Как она могла разбиться?

— Я случайно тапочек бросила.

— Это была старинная ваза. Знаешь, сколько она стоила?

— Наверное, много. — Ничего, кроме цены на пои, ее не интересовало.

— Много! Что у тебя с руками?

Первым желанием было натянуть рукава футболки хотя бы на локти. Это родители еще не видели синяки, которые у нее появились после первых тренировок. В неловких руках пои били очень больно.

— Ударилась.

Но мама уже смотрела не на руки, а Маше в глаза.

— Зрачок расширен!

— Дальше что?

— Не надо сейчас, — морщился папа.

— Что не надо! — истерично вскрикивала мама. — У тебя дочь наркоманкой становится, а ты ее защищаешь. И еще деньги даешь! Она же из дома таскает! Знаешь, сколько стоила эта ваза?

О! Это еще не все. Есть разбитый сервиз. Интересно, когда про него вспомнят.

Маша откинулась на стену. Говорить не хотелось. Это была ее жизнь, которой она ни с кем не обязана делиться. Пока Маша была маленькой и глупой, можно было говорить обо всем, а теперь — все, она изменилась, и ей хотелось сохранить в душе что-то свое.

— Марина! Зачем ты так? — волновался папа. — Надо же сначала выяснить!

— Что выяснить? — рванула мама Машину руку. — Ты это хочешь выяснить?

Следы еще не прошли, наоборот, налились хорошими синяками. Они некрасиво серели на тонких запястьях, проступали около локтя.

— Что это у тебя? — Голос у папы испуганный.

— Ударилась! — вырвала свою руку Маша.

— Где это так можно удариться? — вступила мама. — Это надо плашмя о забор биться! Нет, дорогая моя, я тебе могу сказать, где ты так «ударилась». Это следы от жгутов. Или чем вы там себе руки перетягиваете, чтобы уколотся?

— Мама!

Поразил сам факт, что ее родная мама, всегда все понимающая, добрая и внимательная, вдруг предположила такое.

— Как ты могла? — заплакала Маша.

— Это как ты могла? Мы тебя кормили, растили, по врачам водили, чтобы была здоровой. А ты? Связалась с наркотиками! Своего здоровья не жалко, родительское пожалей!

— Мама!

Слышать это было невозможно. Маша запрыгнула в комнату, хлопнула дверью.

В жизни она отсюда не выйдет. Никогда.

Вечером позвонил Фрай. Сказал, что она обязательно должна прийти в субботу на Болотную.

— Это очень важно, — таинственно закончил он.

Суббота началась со скандала.

— Поедем с утра в парк, — сказала мама. — Такая хорошая погода.

Маша не выспалась. Она хмуро смотрела в чашку с мюсли, голова соображала с трудом.

— А потом можно в кино, — подхватил папа. — Сто лет попкорна не ел.

Кино. С родителями. М-да, перспектива...

— Я договорилась... — чуть не сказала с Алисой. — С Мазуровой. Сочинение задали.

— Сколько можно работать! — старалась говорить ровно мама. — Выпрямись! Так вся жизнь за учебниками пройдет!

Маша уставилась на маму. И кого из них после этих слов можно подозревать в наркомании?

— Надень свою красную куртку, — торопила события мама. — Она тебе так идет.

Маша отодвинула от себя плошку с завтраком. Красной куртки больше не было. Первые тренировки с огнем оказались неудачные. Куртка заработала несколько прожженных дырок и была выброшена.

— Ее нет.

— Куда же она делась?

— Порвалась. Выкинула.

— Где порвалась?

Маша смотрела в окно. Версий было много — зацепилась за забор, обтрепала по кустам (а что она там делала?), разорвала, упав на льду.

Вздыхнула.

— Нет и все. Я могу в другой пойти.

— Ты мне сначала скажи, куда пропала хорошая новая куртка?

Встала. Тихий семейный день отменяется.

И тут вспомнила.

— Я не могу с вами никуда идти. У меня встреча.

— С кем? Это что за тайны у тебя появились? Это что за секретность? Ты собираешься еще что-то продать?

— Уже продала. Сервиз.

Маша пошла к своей комнате, но крики не пустили ее. Мама ругалась. Лицо ее стало некрасивым, покраснело, глаза болезненно заблестели. Папа стоял рядом, смотрел в пол. У него не было выбора — он был на стороне мамы.

— А еще мне нужны деньги, — сказала Маша негромко. — Две тысячи. На новые пои.

— На что? — задохнулась мама.

— На пои. Это шарики на веревках. Я ими учусь жонглировать. Традиционное искусство народов маори, — выдала информацию первого занятия. — Новая Зеландия. Пои являются одним из элементов национального искусства капа хака.

— Что? — Казалось, мама вот-вот заплачет.

— Все.

Маша закрыла за собой дверь комнаты.

Очень хотелось взять в руки шары и хотя бы немного поработать с ними, сбросить напряжение. Покрутить фонтан, мельницу, бабочку, восьмерку.

Прошла вечность. В дверь постучали.

— А посмотришь, как ты это делаешь, можно? — Папа протянул две голубоватые купюры.

— Поехали.

Маша надела свою старую куртку, взяла спортивную сумку с пои — их у нее скопилось уже много. Алиса была права, имея что-то одно, всегда хочется большего.

День был непривычно светел. Что-то вокруг было такое, чего Маша раньше не замечала. Словно мир неожиданно приобрел какую-то краску, которой быть не должно. Степанова смотрела на небо, на асфальт, на кусты, и никак не могла понять, что же не так.

Болотная площадь нехотя оживала, полнясь людьми. Бродили гуляющие. Под знакомым фонарем уже собрался полукруг зрителей — кто-то начал работать.

Маша бросила сумку на землю, достала свои шары, шевельнула плечами, размяла запястья. Шары повисли на веревках, требовательно потянулись к земле. Маша оживила их. Провела вперед, назад, спереди, сзади, подняла над головой. Шары плыли по воздуху, и вся Болотная площадь благодарно отзывалась на эти движения. Нигде, ни в школьном дворе, ни в коробке баскетбольной площадки около своего дома, Маша не чувствовала такой свободы, как здесь.

Когда ушли родители, она не заметила.

— Кул! — Фрай появился как всегда неожиданно. — Твоя подружка пришла. Парня с собой привела. Какой-то он... странный.

Алиса выделялась из разноцветной толпы черным одеянием, иссиня-черным цветом волос. Олег стоял рядом насупившийся и недовольный.

— О! Машка! — пронеслась через толпу Алиса. За ней невозмутимо шествовал Олег.

Степанова подобрала шары. Вспомнился Алтай. Это было очень давно. И, наверное, не с ней.

— Здорово! — улыбнулся Олег. Улыбка обозначила морщинки на щеках, прищурила глаза.

— Клево, что ты здесь! — как всегда орала Алиса. — Лежкий! Я ей деньги должна! — И сразу повернулась Маше. — Помнишь, ты мне давала? Эй! — Крикнула кому-то в сторону. — Я сейчас!

Маша смотрела на Олега. Наверное, она должна была сейчас что-то испытывать. Горечь разочарования, боль потери, обиду

за оскорбление. Но ничего этого почему-то не было. Это был просто Олег. Она его хорошо знала — как говорит, как поворачивается, как хмурит брови, когда слушает. Но это все, и правда, было очень давно. Она уже и не могла вспомнить, когда.

— Я хотел тебя видеть. — Олег протянул мятые купюры. Маша не заметила, как сунула их в карман.

Она молчала. Смотрела на него, улыбалась. И молчала.

— Извини, я не думал, что причиняю тебе боль. Мне казалось, что мы просто общаемся. Ты мне была очень нужна.

— Я на тебя не сержусь, — услышала она свой голос.

Ей хотелось уйти, но Олег не отпускал.

— Подожди!

Маша осторожно вынула свою руку из его руки.

— Это хорошо, что ты был. И хорошо, что все закончилось. Прощай!

Откуда у нее появились эти слова? Откуда это спокойствие? Она словно видела себя со стороны. Это не она говорила, а кто-то другой, взрослый и солидный, в старой куртке и потертых кроссовках.

— До свидания! — заспешил с ответом Олег. — Мы же еще встретимся!

— Лежкий! Ну, что ты стоишь! — появилась из толпы Алиса и стала тянуть Олега в сторону.

— А ты изменилась, — не двигался с места Олег. — Повзрослела.

— А ты все такой же, — сухо ответила Маша и перевела взгляд на готессу. — Пока, Алиса! Не пропадай.

Олега с Алисой сдувало теплым ветерком, но они еще цеплялись за действительность, не желая расставаться с тем, что их сейчас окружало.

У Маши в руках были пои. Они звали. Они требовали. Натянулись веревки. Они хотели движения. Они хотели жизни.

Олег не уходил. Он смотрел. Он молчал.

А за Машу говорили шары. Они взлетали в воздух, чтобы с шуршанием опасть вниз, разрезать воздух, и вновь взлететь. Чтобы послушно натянуть веревку. В этом была ее свобода. Ее выбор.

— У тебя, правда, очень хорошо получается, — еще пытался говорить Олег, хотя уже понимал, что его слова лишние. — Ты — молодец.

— Спасибо! — Маша отвернулась. Завтра Мазуровой расскажет, как отшила Олега, вот она удивится! Да и сама Маша, наверное, тоже будет удивляться, что смогла это сделать.

— Запястья не напрягай!

Фрай стоял рядом, бросал ленивые взгляды в Машину сторону. Но больше смотрел на площадь, на вечный муравейник.

— Зачем звал? — негромко спросила Маша.

— Наши спектакль ставят по Замятину. У него повесть есть «Мы». Слышала? — И не дожидаясь ответа, как всегда, занятый своими мыслями: — Прочитай. И приходи на репетиции. Только нужно будет сделать костюмы.

Маша сменила направление движения шаров. От них к руке шел жар. Она чувствовала, что каждый прокрут добавляет ей сил.

— Я деньги принесла, — улыбнулась Маша.

— Они тебе пригодятся.

Маша сбила движение, подхватила шары и пошла к группе знакомых. Там были ребята из театра огня «Феникс» — готовились к первому прогону на публике спектакля «Золушка».

День спустя она сидела в классе на своем ряду около окна и смотрела на улицу.

— Что делаешь? — спросил Шульгин.

— Весну жду, — привычно отозвалась Маша.

— Какую весну? — криво усмехнулся Гриша. — Май скоро кончится.

— Правда?

Так вот что ее смущало на улице. Зелень. 31 марта деревья не зеленеют.

— Я как-то не заметила, — растерялась она. — Все ждала, когда будет весна.

Да, да, Олег, холодная осень, стылая зима — закончились. Одно ушло, пришло другое. Жизнь продолжается. У всех. У нее, у Олега, у Алисы.

Шульгин покачал головой и уплыл к своей парте.

Маша улыбнулась. Папа оказался прав.

